

Академия наук СССР
Институт славяноведения и балканистики
Институт русского языка

ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ
И ЛЕКСИКОГРАФИИ

Тезисы конференции
Октябрь 1975 г. Москва

Выпуск 4

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Посвящается

50-летию Картотеки ДРС

Москва. 1975.

Академия наук СССР
Институт славяноведения и балканистики
Институт русского языка

ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ
И ЛЕКСИКОГРАФИИ

Тезисы конференции
Октябрь 1975 г. Москва

Выпуск 4

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Посвящается

50-летию Картоотеки ДРС

Москва. 1975.

**Редакторы: Г.А.Богатова,
В.Я.Дерягина.**

Академия наук СССР

**© Институт славяноведения и балканистики
Институт русского языка**

Принципы построения словарной статьи в историческом словаре (на материале памятников старобелорусской письменности)

Основной композиционной единицей толкового исторического словаря старобелорусского языка, как и других славянских, является словарная статья. Ее построение базируется на таких методологических принципах, которые обеспечивают выполнение словарем главных задач – познакомить читателя с лексико-семантической системой языка древних времен и дать в руки исследователей добротный и надежный материал для решения кардинальных проблем лингвистики, в том числе и вопросов исторической семасиологии, которые в настоящее время в восточнославянском языкознании остаются еще слабо разработанными.

Большинство словарных статей представляется в виде стройных и относительно законченных самостоятельных частей, расположенных в алфавитном порядке, но с учетом деривационных словообразовательных связей (насколько позволяет алфавитное размещение). В статье органически сочетаются графико-орфографические, фонетические, грамматические, функционально-стилистические и семантические показатели слова как предмета лексикографического описания.

Среди многочисленных аспектов словарной статьи основным является семантический, что соответствует конечной цели всякого толкового словаря, в том числе и исторического – раскрыть смысловой объем или перевести на современный язык слова, вышедшие из употребления или получившие в процессе развития семантические расхождения. Кроме того, в словаре предполагается раскрыть семантику всех других выявленных в памятниках древней письменности слов и фразеологических оборотов, чтобы воссоздать лексико-семантическую систему старобелорусского языка, отделанного от современного промежуток времени в несколько столетий.

Составители словаря пользуются всеми доступными средствами и способами объяснения слов из арсенала отечественной лексикографической традиции. Выбор того или иного приема семантической расшифровки зависит от лексико-грамматического типа слов и их индивидуальной лингвистической характеристики. Для слов, исчезнувших или заметно изменивших свою семантику, лучшим считается метод адекватного перевода на современный язык. Лексические историзмы описываются с привлечением исторических, энциклопедических и этнографических сведений. Во многих случаях краткое семантическое определение слова сопровождается синонимическими эквивалентами или близкими по значению словами. Для собирательных, диминутивных и иных производных лексем применяются различные отсылочные и дополнительные средства, способствующие установлению или раскрытию их семантики.

Наилучшим принципом построения словарной статьи многозначных слов в лексикографической традиции признается последовательное изложение семантических фактов, соответствующее историческому развитию лексических значений в слове. Принцип этот должен опираться на строгий учет этимологически исходного дифференциального признака, легшего в основу становления и развития семантической структуры слова, и всех остальных смысловых ответвлений, стоящих к своему этимону в близких генетических и вытекающих друг из друга связях.

Но этимологический принцип подачи лексических значений и их вариантов по многим причинам не может считаться приемлемым и целесообразным. Во-первых, в настоящее время отсутствует этимологический словарь белорусского языка. Во-вторых, как показывают наблюдения, этимология многих слов часто допускает различные толкования или вообще неизвестна. В-третьих, возможность показать генетическую цепь смыслового варьирования, которая отвечала бы семантической эволюции слова в языке, затрудняется особенностями употребления лексемы в памятниках письменности, полной зависимостью ее от лингвистического окружения. Узость круга источников, приблизительная их датиров-

ка или отсутствие ее вообще в значительной степени сказывается на градуированной подаче лексических значений и иных семантических разновидностей слова.

Поэтому лучшим способом семантического описания многозначных слов признан тот, который опирается на нахождение первичного, номинативного, прямого лексического значения и последующий учет иерархической зависимости производно-переносных смысловых разновидностей. В преобладающем большинстве случаев обнаруживается стремление сохранить деривационно-преемственные семантические связи между лексическими значениями толкуемых слов. Это один из самых трудных путей построения словарных статей. Он основывается на знании семантической истории слова в языке, хронологии появления и исчезновения отдельных значений, характера действия семантических закономерностей и тенденций в лексике на разных этапах ее развития, причин этих явлений.

И.М.Малыцева

Толкование слов в Словаре русского языка XVIII в.

1. Отражение в Словаре широкого круга лексики XVIII в., включающей как слова общеизвестные, употребительные в современном языке, так и слова, характерные для языка XVIII в., определяет дифференцированный подход к раскрытию ее семантики — использование разных типов определений — традиционных для русской толковой лексикографии и специфичных для исторических словарей рассматриваемого типа.

2. Особое внимание обращено в Словаре на толкование лексики, характеризующей особенности словарного состава языка XVIII в. по сравнению с современным его состоянием (слов, обозначавших понятия иного объема, имевших отличное от современного языка значение, занимавших другое место в лексической системе языка). Семантика этой части лексики в основном раскрывается в Словаре в собственно лек-

ических определениях, включающих: а) определения, содержащие краткую характеристику значения слова; б) краткие определения с элементами энциклопедизма; в) синонимические и эквивалентные; г) определения общего характера, не указывающие на дифференциальный признак обозначаемого словом предмета или понятия.

Другие стороны лексики XVIII в. — ее грамматика, особенности ее синтагматики и парадигматики — предстают в определениях описательно-грамматических, отсылочно-грамматических, словообразовательных, отыслочных.

3. В соответствии с общими задачами семантической характеристики (толкование специфического, сопоставление и идентификация общего с современным словоупотреблением) в Словаре снимается ряд ограничений, обязательных для толковых словарей современного языка: а) при определении слов, входящих в один парадигматический ряд, допускается использование слов этого же ряда; б) более простое по степени производности значение может определяться через более сложное; в) в определениях основных и производных значений слов возможно употребление определяемого слова.

4. По тем же мотивам некоторые разряды слов делятся в Словаре без определений. Определениями обычно не сопровождаются общеизвестные слова или их основные значения, не изменившиеся в процессе развития языка (трава, лежать, бревно, буква).

Отсутствие определений допускается также при словах следующих разрядов: а) общеизвестных терминах, если содержание обозначаемого то же, что в современном языке (в этих случаях функцию семантических определителей выполняют пометы, указывающие на сферу распространения слова (Бухта, мор.); б) сложных словах, значение которых очевидно из значений составляющих (белобровый, густолиственный); в) разного рода окказионализмах (Пусть гром гремит, бурюет буря.. Держ. Соч. У, 28. Должен я исполнить его священную волю по крайнему моему разумению (говоря по-суворовски) не так, как

хинька, немогузнайка, властвашка и тому подобные хитрецы, а скажу искренно все, что думаю. Держ.Соч. VI, 252).

5. Для слов с более специализированной семантикой предусматривается возможность кратких определений: а) указывающих лишь на родовый признак, класс предметов или понятий (Байберек. Род шелковой ткани); б) раскрывающих значение слова указанием на ближайшую синтагматическую связь (эти определения представляют собой сочетание толкуемого слова с одним или несколькими определителями, выполняющими роль семантического дифференциатора: Рог (животного); Берег (реки, озера, водоема).

6. Высокая синонимичность и дублетность лексического состава языка XVIII в. обусловила широкое применение в Словаре синонимических и эквивалентных определений, характеризующих значение слова сопоставлением его со словами близкими или тождественными по смыслу (принцип внутреннего перевода): Бабоч. Акушер; Отпрыгательный. Эластичный; Ветрельник. Флигер; Аксамит. Бархат.

7. Особенно широко используются в Словаре определения, коротко раскрывающие значение слова, т.е. указывающие совокупность необходимых и достаточных признаков определяемого. Они неоднородны в зависимости от обозначаемого словом референта. Определения слов, выполняющих в языке денотативную функцию, содержат указание на характерный признак денотата (Гардероб. Комната для хранения одежды); определения слов о сигнификативной функции представляют собой краткую формулировку обозначаемого словом понятия (Строение. Взаимное расположение частей, внутреннее устройство чего-либо. Строение глаза). Такие определения употребляются при толковании обширного круга слов, занимающих различное место в лексическом составе языка XVIII в., неоднородных по употребительности, происхождению, стилистической окраске и пр.

8. Часть слов получает в Словаре подробные определения, содержащие сведения энциклопедического характера. Таким образом разрабатываются слова, унаследованные языком XVIII в. из

лексического состава предшествующих эпох, в дальнейшем вышедшие из употребления, слова, обозначающие наиболее существенные явления социальной, общественной и культурной жизни XVIII в., а также слова, обозначающие в то время понятия иного объема, чем в современном языке, некоторые научные термины и др. (Ассигнация. Бумажный денежный знак разного достоинства, введенный в России указом 29 XII 1768 г. Жирандоль. Настольный осветительный прибор в виде подставки с подвесками из бесцветного хрусталя, на которой расположены бронзовые подсвечники).

9. Определения, раскрывающие содержание слова (кратко и с элементами энциклопедизма) представлены в Словаре:

а) определениями авторов-составителей и б) определениями-цитатами из источников и словарей XVIII в. Авторские определения даются в соответствии с нормами современного литературного языка - в них не допускается использование архаичной, церковнославянской, стилистически сниженной, узкоспециальной и пр. лексики (за исключением определений некоторых разрядов производных слов).

Определения-цитаты представляют собой дословные выдержки из лексических и лексикографических источников XVIII в. и приводятся лишь в тех случаях, когда цитатный материал отсутствует или недостаточен для раскрытия значения слова. Они используются применительно к узкому кругу лексики - при толковании старых терминов, слов реликтовых, региональных, профессиональных, обозначающих специфические предметы быта и обихода, культа и пр. (Абажур. Косое окошко, сообщающее свет сверху для освещения таких мест, где не можно сделать обыкновенных окошек. Сл. Яновского. Артельщина. Все принадлежащее к артели; или делаемое, исправляемое артелью. САР I, 49).

10. Определения слов, значения которых из-за отсутствия достаточных материалов остаются до конца не выясненными, и их достоверность вызывает сомнение, сопровождаются в Словаре знаком (?): Братствие. Наследственное земельное владение (?);

при словах с неясным значением на месте определения ставится знак ? (Балет². ?).

И.Л.Кутина

Лексическая сочетаемость в историческом словаре и ее роль в описании семантики и словоупотребления

1. Демонстрация лексической сочетаемости в различных ее видах – свободной (устойчивой и неустойчивой) и несвободной (различных типов и степеней связанности) служит в словарях не одной, а ряду целей.

а) Лексические связи выступают прежде всего в функции семантических дифференциаторов, ибо в пределах словосочетания актуализируется и реализуется значение слова. Подобная реализация может быть показана при этом способом исчисления возможных типов сочетаний, связанных с различным типом коммуникативной установки при общей регламентирующей сочетаемости роли значения.

б) Лексические связи – указатель норм словоупотребления, и в этом своем качестве также дополнительное средство стилистической характеристики слова. Выбор связей характеризует различные слои расчленяемого в разных отношениях (функционально, стилистически, социально) словаря и особенно показателен при множественности узусов употребления (при отсутствии единой литературной нормы). Совокупность синтагматических "выборов" составляет своеобразную парадигму словоупотребления и – при введении динамических характеристик – изменения в ней.

в) Лексические связи – показатель собственной фразеологических потенций слова. Модификация несвободных лексических сочетаний такого рода в направлении развития синтетичности и появления единого общего смысла выражения – важная семантико-динамическая характеристика слова и словаря вообще.

2. Для исторических словарей общего типа опора на лексическую сочетаемость при семантической разработке слова

исключительно велика. Это объясняется рядом особенностей исторических словарей, отличающих их от словарей современных, а также специфичностью их задач.

а) Исторический словарь – словарь текстов (речевых произведений). Отбор лексических и семантических единиц на уровне языковой системы, принципиально принятый для современных словарей литературного языка, для словарей исторических не всегда доступен в силу неполноты текстовых (письменных) свидетельств о функционировании слова. Высшей ступенью семантического анализа в этих условиях может стать анализ на уровне употреблений (при возможности обобщаемых в типы), т.е. единиц речевых.

б) Отсутствие единой языковой нормы, множественность узусов, связанная с различными планами стратификации словарного состава, существенно затрудняет решение об окказиональном и узуальном в лексике и словоупотреблении. Можно полагать, что сама категория окказионального на разных исторических этапах и в разных историко-лингвистических ситуациях, при разных уровнях развития кодификации, не может определяться вполне идентично. Исторический словарь значительно расширяет спектр окказионального в своих описаниях, т.е. спектр речевой.

в) Фиксация уровня употребления, однако, является для исторического словаря и принципиальным требованием. Показ динамики лексической системы как одна из специфических задач исторических словарей выводит их из области демонстрации собственно языковых единиц в сферу речевую, ибо в ней лежит начало языковых изменений. Семантический сдвиг может быть фиксирован уже на уровне употреблений.

Существенной в плане динамических характеристик в историческом словаре является и сама динамика парадигмы словоупотребления (ср. например, тяжелая, тяжкая, тягостная артиллерия; студеное, холодное платье; бросать, кидать, метать тень; акции уменьшаются, умалются, падают; потерять, програть баталью и т.п.).

3. Фиксация изменений в парадигме словоупотребления представляется особенно важной для описания тех исторических эпох в жизни словаря, которые предшествуют непосредственно сложению национальных норм словоупотребления. Противопоставление языковых состояний в плане семантики и словоупотребления для таких эпох лишь частично осуществляется противопоставлением набора значений. Значительно более глубокое противопоставление лежит в сфере употребления слова, связи его с другими словами (сочетательные свойства), внутренних (внутрисловных) и внешних (междусловных) отношений и группировок.

Так, одно лишь сопоставление типов употребления слов (при общности значений) резко противопоставляет и обособляет язык XVIII в. как особый период в развитии русского языка.

4. Рассматривая лексическую сочетаемость как одну из существенных семантических характеристик и средство демонстрации языковой динамики, следует, видимо, по-разному относиться к показу различных видов ее. Если все виды несвободных сочетаний и свободных устойчивых сочетаний должны быть представлены в словарной статье, то к свободным сочетаниям подход должен быть дифференциальным. Ряды свободных сочетаний могут быть представлены лишь в том случае, если они демонстрируют какой-нибудь существенный языковой процесс (например, тенденцию к изменению типа сочетаемости: свободная неустойчивая → свободная устойчивая → несвободная у слова *н а т у р а л ь н ы й* в XVIII в., свободная устойчивая → несвободная у слова *с к о р о п о с т и ж н ы й* и т.п.; изменение объема денотативного класса или объема понятия — ср. например, анекдот смешной, забавный, трогательный, печальный, трагический; специфический для данного периода круг распространителей слова: союз крепкий, тесный, узкий и т.п.).

Особо должен быть поставлен вопрос об отражении регулярной сочетаемости, присущей какому-либо лексическому или лексико-грамматическому классу слов (например, глаголы-распространители при именах действия: *б у н т* (с у д, а к ц и я

и т.д.) делать, чинить, творить, верить; б у н т (с у д, а к ц и в и т.п.) начать, вчать, учать, почать..; рас-пространители-атттрибути, характеризующие величину или оцени-вающие качество: д о м (пир, человек и т.п.) добрый, наро-читый, изящный, изрядный и т.п., а также сочетаемости, ре-гулируемой внеязыковыми факторами, если при этом демонстри-руются языковые особенности неязыкового ряда (ср.: болезнь очная, глазная, ножная, головная, боковая, животная, членов-ная).

Е.З.Бирмакова

Лексикографические источники и их использование в историческом словаре

1. Необходимым условием осуществления любого большого словаря является его материальная база - тексты источников, с достаточной полнотой и объективностью репрезентирующие язык описываемого периода. Первостепенную важность при этом имеет разработка и отбор самих источников словаря, в том числе и таких своеобразных источников, как лексикографические.

2. Для исторических словарей, описывающих лексический состав предшествующего этапа языка, словари, относящиеся к тому времени, представляют особый интерес. С одной стороны, в них собрана и описана лексика самими носителями языка, и современный лексикограф может оценить и непосредственно использовать плоды труда своих коллег-предшественников. С другой стороны, самый текст словарей (их реестр, толкования, иллюстрации) является памятником своего времени и, следовательно, входит в круг источников исторического словаря.

3. Для XVIII в. круг лексикографических трудов обширен и разнообразен - словари общие и специальные, одноязычные и переводные, филологические и энциклопедические, обще-культурные и школьно-учебные. Именно XVIII в. предстает как

новый этап в развитии русского словарного дела, вливающегося в общий поток западноевропейской лексикографии.

4. Словари (в своей совокупности) дают важные свидетельства для современного лексикографа относительно лексического состава, стилистического и жанрового распределения слов, их семантического объема, грамматической отнесенности, нормативности, сочетательных возможностей и пр.

5. Каждый тип словаря XVIII в. предоставляет и общую и специфическую информацию. Так, переводные (дву- и многоязычные) лексиконы, особенно разнообразные и многочисленные, чрезвычайно важны в плане выявления русских соответствий к иноязычным словам (оположенность иноязычного и русского текстов наглядно обнаруживает заимствования, кальки, явления разного рода семантической индукции). Принятый во многих словарях XVIII в. принцип демонстрации в русской части всего возможного набора эквивалентов раскрывает картину лексической вариативности в языке XVIII в. (ср. например, Вейсманнов Лексикон, Лексикон Волчкова, Французско-Российский лексикон [1768 г. и др.]). Первый толковый словарь русского национального языка - Словарь Академии Российской, важен прежде всего интерпретацией описываемого в нем словарного состава, нормативно-стилистическими оценками слов.

6. Признавая словари чрезвычайно важным источником при изучении лексики языка XVIII в. и при описании ее в историческом словаре, мы, тем не менее, не склонны абсолютизировать их значение и тем самым отодвигать на задний план все иные источники. Основой лексикографических разработок являются прежде всего тексты нелексикографические.

Источники словарей русского языка XVIII в. и их специфика

(Высокий слог и его отражение в исторических словарях различных типов)

1. Исследования советских литературоведов последних лет в области художественной литературы XVIII в. значительно продвинули вопрос о сущности, принципах и исторической роли русского классицизма. В литературоведческих работах 60–70 гг. это литературное направление рассматривается в русле поступательного развития европейского художественного сознания от эпохи Возрождения к эпохе Просвещения и буржуазных революций. Объективная ценность классицизма заключается в том, что он отразил в своих различных национальных вариантах прогрессивные тенденции эпохи абсолютизма, эпохи формирования национальных государств и становления нового общества, в том, что именно на этом этапе происходит формирование национальных языков и национальных литератур.

2. Исходя из общей идеологической основы русского классицизма – просвещения – советское литературоведение связывает классицизм не с декартовским рационализмом, как это делалось ранее, но подводит под него более широкую философскую базу (локковский эмпиризм в сочетании с сенсуализмом). В литературоведческих исследованиях подчеркивается большая роль классицизма как фактора воздействия на общество и средства формирования общественного сознания как самосознания нации. Такой глубокий подход к сущности русского классицизма позволил: во-первых, рассматривать в русле этого направления творчество многих писателей (например, Ломоносова, Державина), которые ранее не находили в нем соответствующего места, и во-вторых, установить, что при общих основополагающих эстетических принципах русского классицизма, он имел свои индивидуальные особенности в творчестве своих наиболее ярких и талантливых представителей.

3. Понятие литературы классицизма не покрывается понятием художественная литература в современном смысле этого слова (*belles-lettres*). Поскольку отличительной чертой литературы классицизма было просветительство, отсюда учительный, назидательный ее характер, позволяющий использовать не только собственно художественно литературные формы, но и некоторые другие виды письменности. Творец теории новой стилистики национального русского литературного языка и языка новой русской литературы М.В. Ломоносов распределил по трем стилям все основные жанры литературы классицизма.

4. Особое место в системе классицизма занимала литература, написанная высоким слогом. Создание высокого слога, соответствующего высоким гражданским и патриотическим идеям, одна из основных заслуг литературы классицизма. По рекомендации Ломоносова, высоким слогом "составляться должны героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях, которым стилем они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются". Последний из названных жанров позволяет включить в состав литературных произведений различного рода ораторскую прозу.

5. Основным стилеобразующим элементом высокого слога являлись славянизмы, т.е. слова и формы, стилистически маркированные как высокие, торжественные. Это преимущественно элементы старого книжного языка, однако не только церковнославянизмы, но и лексемы иного происхождения, получившие в пределах высокого слога стилистическую окраску приподнятости, торжественности. В роли славянизмов выступают:

1) стилистические маркированные дублеты нейтральных слов; 2) слова, не имеющие синонимов нейтрального характера, но имеющие формальные показатели церковнославянизмов; 3) лексические единицы, образованные в пределах самого высокого слога по церковнославянским моделям. В различных типах исторических словарей по-своему может быть осуществлен показ семантических и стилистических особенностей славянизмов.

6. Наметим некоторые типы исторических словарей XVIII в. в связи с отражением в них славянизмов высокого слога. Та-

них типов исторических словарей предполагается два: 1) словари языка литературы классицизма и 2) словари литературного языка.

Из словарей языка литературы выделяются две разновидности: а) словари отдельных авторов; б) словарь одного из господствующих направлений XVIII в. — классицизма.

Словарей литературного языка XVIII в. также возможно несколько: а) словари отдельных периодов развития языка XVIII в., здесь возможны по крайней мере два словаря: словарь так называемой петровской эпохи (с конца XVII по 40-е гг. XVIII в.), характеризующийся таким состоянием языка, когда еще сосуществуют на равных правах два типа литературного языка — книжно-славянский и русский, периода, в который особенно интенсивно осуществляются межязыковые контакты русского языка с другими языками. Следующий словарь литературного языка: 40-е гг. XVIII — начала XIX в., отражающий сложение общенациональной нормы русского языка и формирование стилистических разновидностей в пределах одного литературного языка.

Наконец общий словарь литературного языка XVIII в., т.е. тот, который составляется в настоящее время в группе исторической лексикологии словарного сектора ЛО ИЯЗ. Этот словарь должен отразить историческую перспективу развития русского литературного языка в пределах одного столетия, в том числе показать эволюцию старой книжной лексики в ее стилистическом аспекте.

З.М.Петрова

Однокоренные разносуффиксальные прилагательные
в Словаре русского языка XVIII в.

1. При лексикографической обработке источников Словаря русского языка XVIII в. принимается во внимание специфика лексической системы русского языка этого периода: значительный рост словарного состава (как за счет активизации внутриязыковых лексико-словообразовательных ресур-

сов, так и за счет большого числа иноязычных заимствований и их адаптации на почве русского языка, взаимодействие лексики различных языковых стилей, продолжающийся в течение всего века процесс сложения норм литературного языка (см. Проект Словаря русского языка XVIII в., в печати). В этих условиях нередко возникали парные, трех- и многокомпонентные ряды однокоренных разносuffиксальных (или с вариантами suffиксов) образований, идентичных или очень близких по значению (словообразовательных дублетов). Особенно много таких дублетов наблюдается в кругу имен прилагательных.

2. Проект Словаря русского языка XVIII в. предусматривает разработку однокоренных разносuffиксальных образований, идентичных или очень близких по значению, в одной словарной статье (см. гл. II "Структура Словаря", гл. III "Границы слова", раздел "Слово и его варианты"), не детализируя и не конкретизируя этого применительно к различным частям речи и лексико-словообразовательным группам. Между тем параллельные образования возникали в языке, как известно, по разным причинам и в разных условиях, их взаимодействие приводило к неодинаковым результатам, что можно показать на примере рядов соотносительных однокоренных прилагательных, функционировавших в русском языке XVIII в.

3. Как чистые словообразовательные дублеты, идентичные по значению, могут рассматриваться: а) ряды, составленные из прилагательных с вариантами suffикса (канцелярский и канцелярский, канцелярный, канцеляринный и канцелярийный, пастушеский и пастушский, театральный и театрейский, европейский и европейский и т.п., ср.: На том же листу подписал наместник канцелярский сиче.. Пут.Толст. II 133; А секретарь напишет к тому на поле которому канцелярскому служителю, каждое дело ко управлению его отдано. ГР 24; Каждому Коллегию иметь, ко услуге своей одного Вахмейстера, и канцелярных слуг.. ГР 33; Тайной воинской коллегииум или собрание с президентом, советниками, секретарями и иными канцелярийными служителями.. учинено было. ПСП II 48; По

договору с присланным к нам его канцелярским советником и чрезвычайным посланником Павлом Гемсом учиненному.. ПБ I 317); б) ряды типа тысяцкий-тысяцкий, ткацкий-ткаческий, рекрутский-рекруцкий, навигацкий-навигатский и т.п. (параллелизм подобных образований вызван фонеморфологическими преобразованиями на морфемном шве), ср.: Встроить... новии связи., для порядочного заведения механической чесальной, придельной и ткацкой фабрик. ПСЗ ХХУ 209; Задний же выезд сего двора был на том месте, где ныне стоит ткацкая. Зап. Бол. II 321; в) этимологически различные образования типа теорический-теоретический (ср. фр. *théorique* - *théoretique*), диетический-диететический, элегический-элегический, симпатический-симпатетический и т.п.; г) адаптированные и неадаптированные формы заимствованных прилагательных типа диагональный-диагоналис, арктический-арктик и арктикуо, и т.п. В рассмотренных случаях словообразовательная дублетность как правило заканчивалась победой одного из образований и уходом из употребления другого (других).

4. К неоднозначным результатам приводило сосуществование однокоренных параллельных образований с разными суффиксами. Таковы, например, а) образования от иноязычной основы с исконно русским суффиксом и с суффиксом, включающим иноязычный элемент (стомаховый - стомахальный, мускульный - муокулезный, периодный, периодский - периодический, нервный, нервенный, нервинский, нервонный, нервянный - нервонный, станцевый-станционный, ср.: Чай нимало не вредит нервной системе. МХ III 42; Нервенный сок, прияв в себя внешние образы, внутреннюю чувственную им сходственность соделывает. Рад. Чел. II 60; Сок нервинский. ВД 253; Нервяная жидкость никогда не бывает так деятельна, как теперь (в юности. - З.П.). Иппокр. I 1799 103; От нервов польза та, что они свой нервонный сок, или тонкую и как бы духовную жидкость, или жизненной дух.. доставляют во все части человеческого тела. Коз. Расс. 68; Для большого числа нервонных сосочков, которые конечно бы потревожилися вдруг, нет сомнения, чтоб и чувст-

во осязания не было несравненно тоне. ПЭ Ш 61; б) образования типа философический и философичный, периодический и периодичный, гармонический и гармоничный, кубический и кубичный и т.п. (т.е. парные образования от одной и той же основы иноязычного прилагательного, оформленные на русской почве по-разному). В результате взаимодействия однокоренных образований рассмотренных типов одни из них уходят из употребления (например; нервенный, нервинский, нервяной, нервонный), другие функционально разграничиваются (например; нервозный и нервный, гармонический и гармоничный и т.п.).

5. Сосуществование затухающих в XVIII в. и получающих активность в тот же период словообразовательных типов приводило к возникновению рядов типа плавильный, плавленый и плавительный, крестильный и крестительный, пережигальный и переж^{га}ительный и т.п., конкуренция которых заканчивалась уходом отдельных компонентов ряда (в других случаях наблюдалось длительное, иногда уходящее за пределы XVIII в. их сосуществование).

6. Параллелизм однокоренных прилагательных в языке XVIII в. был вызван также причинами, отчасти действующими на всем протяжении развития русского языка (параллельные образования с суффиксами -н-, -ов-, ср. абрикосовый и абрикосный, бузиновый и бузинный и т.п.), отчасти слабой специализацией ряда суффиксов в этот период (ср. слесарский и слесарный, нордний, нордовый и нордский, крокодиловый, крокодильный и крокодильский). В рассмотренных случаях наблюдается уход из употребления одних компонентов ряда и закрепление других, полное или частичное размежевание значений, либо сохранение дублетности на протяжении всего XVIII в. к за его пределами.

7. В зависимости от характера соотносительности и от судьбы однокоренных параллельных образований в Словаре русского языка XVIII в. предусмотрены приемы их разработки. Отмечаются специальной системой знаков новации, уходящие из употребления дублеты и т.п. Сфера употребления каждого из дублетных образований отмечается стилистическими и сле-

циальными пометами. Частичное размежевание значений показывается особыми приемами построения словарной статьи.

При решении вопроса об объединении в одной словарной статье или о разделении однокоренных дублетов принимаются во внимание условия их функционирования, этимология, система значений, а также другие признаки, характеризующие рассматриваемые образования.

Г.М.Милейковская

Историческая перспектива при описании значения слова в Словарях Академии Российской (1789–1822)

1. Словарь Академии Российской (1789–1794) (САР I) является первым лексикографическим документом, отражающим результат коллективной дискуссии о норме общенародного литературного русского языка конца XVIII в. Изменения этой нормы для начала XIX в. отражаются в Алфавитном словаре Академии Российской, 1806–1822 (САР II).

2. В норме, рекомендуемой САР I, имеется небольшое количество словарных статей, где описание значения имеет историческую перспективу. Функцию отнесения к этому фонду выполняют пометы: Вновь вводимое, Стар., Старин., В старину..., В старин.книг., В старин.приказах, или раскрытие значения дается в перспективе: "Слово п р е ж д е значило X – н ы н е значит Y". Неологизмов отмечается только три.

3. По томам САР I словарные статьи с исторической перспективой в раскрытии значения распределяются ритмично.

I	II	III	IV	V	VI	Всего
70	127	137	138	139	84	695

По структурно-морфологическим типам, как и следовало ожидать, большинство составляют имена существительные.

Существ.	Прилаг.	Глагол	Др. части речи	Фразеолог.	Всего
492	38	48	12	99	695

Среди имен существ. наиболее многочисленна (70%) вещественно-предметная лексика.

4. С точки зрения типов архаизмов в анализируемом фонде можно выделить: А) архаизмы понятий или историзмы. При них применяется энциклопедический способ описания значения, например: Чуги, Чуприна, Троки, Тарчь, Тахтуй и др.; Б) архаизмы словесные, коррелирующие со словами, более известными, нейтральными и употребительными. Раскрытие значения - синонимическое, например: Оттеплие-Оттепель; Теза или Тезя - Имя, название; Лыскарь, Рогадия - Лопата.

Оба типа имеют почти одинаковое распространение в САР I (А - 385, Б - 310 единиц).

5. В типе А почти весь материал распределяется по нескольким тематическим группам (только слова с конкретным значением): 1) Реалии, связанные с охотой и устаревшей военной техникой (Протазан, Передовой полк, Ушкуй) - 109 лексикогр.единиц. 2) Реалии, называющие административные учреждения, должности, социальные и семейные отношения (юридическая терминология - Срочная, Огнищанин, Смерд) - 195. 3) Виды одежды (Летник, Бармы, Перепелы, Святка) - 24. 4) Старые денежные единицы и меры (Резань, Пуло) - 10. 5) Старые музыкальные инструменты (Кобза, Гудок) - 5.

6. В типе Б тематические группы более разнообразны и раздроблены. 1) Отвлеченные имена существ. непродуктивных типов (Поруха, Пек, Цепка, Препростие, Шкода, Самочиние) - 47. 2) Архаические синонимы слов, обознач. известные предметы, животных, качества (Рогадия, Лыскарь - Лопата; Маштак - старин.назв. Иноходца; Накра, Морх, Шапливий) - 79. 3) Корни-основы, мотивирующие популярные производные

единицы (Нау, Крия, Толу, Нурю, Крес) – 26. 4) Существов. со значением лица, обознач. постоянное состояние, занятие (Рольник, Свель, Тельник, Шаптовеник) – 27. 5) Названия периодов времени (месяцев) (Оттеплие, Цветень, Кветень, Вресень, Отзимие) – 20. 6) Разные предметы (Рта, Насвещник) – 21. Всего 220 лексикографических единиц.

Остальные около 150 единиц в обоих типах размещаются по многочисленным мелким тематическим группам.

7. Алфавитное издание – САР II (1806–1822) – в основном сохраняет понимание принципов места пассивного фонда в норме русского литературного языка, поэтому фонд архаизмов и неологизмов САР I в значительной части переходит без изменений в САР II, а представление о развитии значения слова в принципе не меняется. Однако одновременно при переиздании (не механическом) часть лексики САР I с пометами интереснейшей нас группы подвергается переоценке. Следующая таблица представляет эти процессы.

САР II		САР II изменяет стилистический характер						
Сохран. текст и помету	Исключ. сл.ст. целиком	А	Б	В	Г	нейтрализуются	на слав.	на мало и редкоупотрб.
508	56	35	12	6	18	46	8	6

Где А: САР I – Старин. → САР II – Стар.

Б: САР I – Стар. → САР II – Старин.

В: САР I – Стар. → САР II – Неупотр., Вышед. из употребл.

Г: изменение редакции пометы в рамках архаизмов, например: Старин. → В старин.книг. → В древн.употребл.

Таким образом, 28% рассматриваемого материала САР I в начале XIX века подвергается пересмотру. Исчезает группа разнообразных неактуальных административно-юридических по-

нятий (Черная волость, Месячный суд, Княжее, Повитчик), пересматриваются названия военных реалий (Исполчиться, Органика, Джид, Закоп), непродуктивные лексические синонимы (Мамуль, Манзер, Пральник), устарелые варианты абстрактных слов (Препростие, Нелюбие, Обсада).

В словарных статьях с равнозначностями часто исчезает одно, напр.: Рекло, Ролья, Пятнальщик, Левая рука. Свидетельствует это как о судьбе отдельных слов, так и морфологических типов. Что касается неологизмов, то 2 словарные статьи нейтрализуются (Двоитель и Двоильщик, Надгробие или Надгробная надпись иначе Эпитафия), теряя помету Вновь вводимое; один неологизм становится архаизмом (Бережатой), получая помету Стар.

8. Кроме рассмотренной группы архаизмов, в САР II имеется новая лексика (8160 единиц), которой не было в САР I; в ее составе также имеется группа словарных статей, представляющих значение слова с исторической перспективой (А).

Некоторые лексикографические единицы, оцениваемые в САР I как нейтральные, получают в САР II пометы Стар., Старин. (Б). Небольшая группа единиц, которые в САР I имели другие стилистические характеристики, в САР II получают пометы Стар., Старин.

9. (А) Новые архаизмы САР II (новых неологизмов нет) распределяются по томам неритмично.

I	II	III	IV	V	VI	Всего
18	15	32	31	9	8	113

По структурно-морфологическим типам:

Существ.	Прилаг.	Глагол	Др. части речи	Фразеолог.	Всего
77	14	8	-	14	113

В новых архаизмах САР II преобладают словесные (81 ед.). Историзмов значительно меньше (32). Третья часть имен существ. являются непродуктивными абстрактами (Палех, Навада, Обада, Окус, Малина, Освещение, Олсование, Посулоимание). Часть "новых" административных архаизмов САР II осмысляет через укрепившиеся в начале XIX в. административные европейзмы. Сравним: Большой воевода – Генерал фальдмаршал, Третий воевода – Генерал Поручик, Дворецкий – ныне Гофмейстер, Ловчий путь – Ведомство придворной охоты.

10. (Б) Из нейтральной лексики САР I в архаизмы САР II переносит 74 единицы, причем из трех первых томов САР I подвергнутся переоценке 50 ед., из трех последних – 24. Выделение данной группы является результатом более последовательно проведенной в САР II лексикографической характеристики историзмов, особенно названий учреждений и должностей, известных из юридической практики XVII–XVIII вв. Часто встречаем в этой группе историзмы, выраженные словосочетанием (17 ед.), что при общей стабильности фразеологии в данную эпоху следует отметить.

11. Группа (В) малочисленна и в основном касается славянизмов САР I, переключенных в архаизмы – 13 случаев, причем переоценены славянизмы I тома САР I в 6 случаях (Победище, Вертеп, Вабить, Близна), III тома САР I – 5 (Зид, Зельвь, Копоруля, Крадца) и по одному II и VI томов (Поставник, Глипание). II слов имеют нетипичные комбинированные изменения лексикографического характера (ряда равнозначностей, фонетической формы и др.).

12. Проблема разногласий в понимании исторической перспективы в норме, определяемой Академией Российской, свидетельствуется в нашем материале: а) разницей фонда между САР I и САР II и ростом словесных архаизмов; б) различиями в составе архаической лексики между II томом известного издания САР I и найденным нами в хранилищах Варшавского Университета одновременным (1790 г.) его вариантом (условно – II б); в) колебаниями в оценке некоторых слов между Editio Princeps

САР II и его массовым изданием.

13. II б, как и в других показателях, является более демократическим и сближающимся в своих тенденциях с САР II (исключает более 1000 единиц из II тома САР I и добавляет около 900 новых нейтральных и экспрессивных единиц). Добавляя 45 новых архаизмов, редактор II б включает в основном словесные архаизмы — 38, историзмов только 7.

В САР II эта дифференциальная лексика II б почти не изменяется; исключаются 9 слов (Голста, Прогрех, Дикло, Гиз-Дубец, Гай-Лес, парусник). Нейтрализуются 5 слов (Разгонный, Приголодь, Мертва, Гость, Гостьба).

14. САР II имеет два подиздания. Различия в редакции и матрицах замечены только в I томе САР II (Лист с 673 стр. до 706). В интересующей нас в данном докладе группе лексики могут быть варианты стилистической оценки слов. Ср.: Ворон — Старинное. В простом счислении значит то же что и Слав. Тма, т.е. 10.000. Массовое издание: Ворон — Старинное протонародное. Тма или 10.000.

15. Норма русского литературного языка по материалам Академических словарей конца XVIII и начала XIX в. представляется имеющей большое количество запасного недифференцированного материала, вследствие чего значительное число единиц в Словарях АР выстраивается в ряды абсолютных синонимов-равнозначностей (более 5000 единиц в каждом из словарей). Архаизмы занимают одно из второстепенных мест в этом фонде лексики, около 15% их входит в равнозначные ряды с нейтральной и экспрессивной лексикой.

16. Наши наблюдения показывают, что норма русского литературного языка данной эпохи, как она представлена САР, является широкой, плоской, лишенной исторической глубины и исторической перспективы, в которой все стилистические различия представляются как синхронические пласты, сосуществующие в рамках активного книжного запаса лексики. Отсюда такая бедность категории архаизмов и неологизмов в словарном фонде словарей АР.

Лексика произведений научно-популярного жанра
первой половины XVIII века

1. Первая половина XVIII в. заняла важное место в истории русского литературного языка. В эту пору вместе с управлением двух языковых типов литературного выражения начиналась отработка норм книжного языка нового типа в процессе разнообразных жанрово-стилистических и функционально-стилевых литературных опытов. В это же время наблюдается формирование и разговорного языка новой русской интеллигенции, зарождавшейся в процессе социально-профессиональных перегруппировок русского общества. Основными общественными сферами, где осуществлялось интенсивное сосуществование, взаимодействие книжно-литературной и "простой" русской стихии, в результате которого складывались единые нормы литературной речи, становятся административно-деловая и научная. Прежде всего в них проходили процессы семантико-стилистической дифференциации средств языка и выработки единых литературных норм.

2. Наблюдается невиданный размах научной деятельности, обусловленной общим прогрессирующим развитием России. Возникающая наука и образование принимают реально-утилитарное направление: поднимающаяся страна, ее производительные силы требовали многообразных прежде всего прикладных знаний, чтобы суметь быстро и соответствующим образом передать их "в публику", требовалось учить людей и распространять знания "внятно", ясно, доступным языком, т.е. п о п у л я р н о. Вызванные к жизни процессы становления науки и развития популяризации научных знаний должны были найти и нашли свое отражение в формирующемся национальном русском литературном языке.

3. Формирующаяся единая система литературного языка представляла собой сложное стилистическое многообразие. В ней, наряду с э к с п р е с с и в н о-стилистическим разграничением языкового материала по "трем стилям", осуществ-

влялась и функционально-стилистическая дифференциация по сферам общения в литературной практике. Однако функционально-стилистические свойства русских слов, форм их и конструкций в литературной речи еще не проявились достаточно четко, еще не были ясно осознанными и теоретически осмысленными. Актуальным понималось функциональное деление языковых средств лишь на два противопоставленных вида: разговорно-обиходные средства преимущественно живой русской речи и книжно-литературные в основном церковнославянского языка. Среди наметившихся функционально-речевых разновидностей литературного языка одно из центральных мест занимает научная речь, отраженная в многочисленной учебно-научной литературе.

4. Жанр научно-популярной литературы тогда был представлен произведениями как в прозаической, так и в поэтической форме. В прозе - это учебные книги, учебно-научные и научные описания, речи, слова, специальные популярные академические издания: "Примечания в Ведомостях" (1728-1742 гг.), общие "Календари или месяцословы" (1728-1804 гг.), частные "Месяцословы", "Ежемесячные сочинения" (1755-1764 гг.) и др. Основные качества научно-популярного изложения - доступность, понятность и наглядность - относятся к прагматической стороне речи. Научно-популярные произведения призываются решать задачу: разъяснять специальные, научные понятия и наглядно показывать факты средствами обиходной речи для массы читателей, не искушенных в науке и требующих возможного облегчения восприятия содержания научного текста.

5. С учетом этого изложения содержания проводилось средствами, способствовавшими доступности его, мысль выражалась чаще всего привычными для массового читателя языковыми формами. Отсутствие строгих литературных норм позволяло употреблять любое слово из повседневной русской разговорной речи в контексте с традиционно-книжными и заимствованными элементами. Тексты научно-популярных произведений дают возможность видеть определенную тенденцию в организации языкового материала, прежде всего в области лексической.

6. Для словарной системы литературного языка той поры свойственна чрезмерно высокая избыточность за счет широкой дублетности русских и церковнославянских, русских и иноязычных, слов иностранных из разных языков, существования неологизмов и значительного слоя архаизмов. Данное свойство было обусловлено эпохой: оно преодолевалось в процессе употребления слов в определенных общественных сферах. Контактность дублетов, вариантов в разных контекстах способствовала изменению отношений полного подобия между словами на отношения дифференцирующие, что вызывало перемены в лексической системе литературного языка.

7. Сфера научной популяризации обязывала использовать в тексте прежде всего общеупотребительные и общепонятные лексико-фразеологические средства, постепенно прививая к родной речевой основе ряд нужных для русской речевой культуры иноязычных слов и их структурных элементов. Намечаются некоторые общие особенности словаря произведений научно-популярного жанра: а) умеренность в использовании как книжных элементов, так и разговорных, прошедших социальную и культурную дифференциацию; б) вариативность слов и форм без достаточной семантико-стилистической дифференциации (безвременно - безвременне, гармония - согласие, докторов - врачей, календарь - месяцеслов, полномесячье - полнолуние, полночь - полуночь, чиханица - катар; вредительно и вредно, недородие и недород и т.п.); в) широко представлен слой общеупотребительной лексики, имеющей однако окраску "книжности" (великодушие, воспрять, дерзнуть, доказательный, земледельный, изрядный, ответственание и пр.); г) освоение иноязычных интернациональные словатермины (академик, астроном, вокабула, вокабуляр, газета, градус, зенит, климат и т.д.); д) наличие простонародных и просторечных слов, значений их и выражений (жара, каятся огневица, оспаца, домашний быть и т.п.).

8. Научно-популярные тексты обнаруживают "мощную национальную основу" языка, постепенное сокращение в употреблении

славянизмов и архаизмов, увеличение лексико-фразеологических элементов живой речи и изменение языковых средств в сторону интеллектуализации. Последнее проявилось в максимально точном и в то же время доступном языковом выражении благодаря употреблению слов в большинстве случаев в прямом, основном значении, использованию слов-терминов и объяснения к ним, нередкому включению слов-скреп в сложные предложения, передающие отношения причинности, финальности, последовательности, условия и др., адаптации привычных обиходных "простых" слов к выражению научных понятий (десятина-секунда, кольцо-круг, дужные места-болотистые и т.п.). Вместе с этим отмечается значительный пласт и привычных литературных слов, имеющих традицию книжного употребления, которые позднее в "Словаре Академии Российской" (1789-1794 гг.) не получили стилистических помет.

8. Из сказанного следует, что и потребность в популяризации научных знаний, и сама популяризация в первой половине XVIII века влияли как экстралингвистический фактор на направление развития лексики русского литературного языка и литературного языка в целом.

И.Г.Добродомов

Проблемы филологической достоверности слова в словарях

1. Словари представляют собой не только результат определенной исследовательской работы составителя с учетом предшествующей лексикографической традиции, но и базу для дальнейших лексикологических и этимологических разысканий, поэтому надежность словарных данных обеспечивает правильность выводов, основанных на этих материалах. Однако специфика словарного дела, связанного с осмыслением очень большого материала, которым составитель владеет далеко не в одинаковой степени, не исключает возможности ошибок, обнаруживающихся в словарях как в словнике, так и в пояснительной части.

2. Ошибочные элементы словаря обычно связаны с неправильным прочтением экскриптованного текста, причем неправильное прочтение зачастую имеет длительную историю, как например, в случае с минимым древнерусским словом *в е р н и е* 'саранча, червь', фиктивность которого (вм. *в е р н и е*) была вскрыта А.Матюм. Из поздних изданий Псковских летописей в древнерусские словари попало минимое слово *н т о л о к ъ*, представляющее собой на самом деле сочетание союза "и" с архаическим названием переводчика *т ъ л к ъ*, *т о л к ъ* (См.: Тр.ОДРЛ, XXIV, стр.139-141) Русская речь, 1973, № I, стр. 124-127). Аналогичная ошибка породила "слово" *и к е р е м е н ъ* у И.И.Срезневского (Х.Игг.См.), а что касается слова *к е р е м е н ъ*, то его можно соотносить как с болгарским названием крепости, укрепления - *к е р м е н*, *к а р м а н*, так и со словом *к а р а в а н*: Тамо есть икеремень саран поставлен, не доходя до Иордана реки съ пять версть (ор.караван-саран).

Как показал Б.фон Арним, в старославянском лексиконе Ф.Миклоича *vesabulum dubium* *л о у б р и я* 'obsequium' в сербском церковнославянском памятнике должно читаться (в тексте: *вслѣдствоваше ъему исходеце чинъ велики и не тычи къ лубрии прѣдъ нимъ гредущи*) как *к ъ л о у б р и (и)*, оно восходит к болгарскому соответствию турецкого слова *д и л а ф у з* 'проводник' (см. *Vasmer - Festschrift. Berlin*, 1956, стр.45-46).

3. В некоторых случаях ошибочное прочтение восходит к перепечаткам текста, которые неточно воспроизводили оригинал. Таково ослышное слово *а к т а р ъ* (к правильному *а к т а з ъ* 'легкий' или 'белая арабская лошадь?'), восходящее к Ермолаевскому списку летописи, хотя в этом слове было бы заманчиво увидеть следы болгарского ротацизма (соответствие *з ≈ р*). См.: Изв.АН СССР СЛЯ, XXIII, 3, 1964, стр.258; *Acta linguist. Hung.*, XV, 1965, стр.82. Ошибочное прочтение породило слово *к у с и н а* в Материалах И.И.Срезневского (I, 1381) вместо более правильного *в у -*

с и и ь (греч. βύβρινον, βύβρος 'виссон, тончайшее полотно'): Ерём же предстращимъ въ коусиньхъ, рекше въ збленахъ. Кстати, в этой цитате содержится также не отмеченная словарями глосса зблена, что соотносится с татарским ж и л ь н 'азям'. (Ошибочно воспринимает эту глоссу как указание на зеленый цвет Г.Н.Дукина. См.: Этимология 1970, стр. 246-247.)

Внесенное в состав Словаря М.Фасмера вятское слово б у с т у р г а н 'домовой' на поверку оказывается чисте удмуртским словом, употребленным в этнографической работе Г.Е.Верещагина об удмуртах, которая была процитирована поруссийвенгерским лингвистом Б.Мункачи (Keleti Szemle, XIV, стр.219), что и ввело М.Фасмера в заблуждение.

5. Весьма часто ошибки проникают в диалектологические словари при обработке разнородного материала, извлеченного из различных источников. Уже В.И.Даль в своем Толковом словаре указал на подобные ошибки сводного Опыта областного великорусского словаря и Дополнения к нему. Такого рода ошибки появляются и в новейших изданиях диалектных словарей. Мне уже приходилось писать (Русская речь, 1974, № 3, стр. 159-160) о мнимом судовом волжском термине б у т к а р ь, возникшем в результате неправильного прочтения слова б у н к а р. Вероятно, такого же ошибочного происхождения записанное в 1961 году в Комаричском районе Брянской области и неизвестное по другим источникам слово г а п е л ь н и к 'сковородник' (вм. широко распространенного ч а п е л ь н и к), хотя не исключена и возможность производства от г а п л я 'петелька для крючка у платья' или г а п л и к, г а п л ю к смол. 'крючок (на удочке)'.

6. При выяснении возможных ошибок в словарях необходимо весьма осторожно и тщательно выявлять причины ошибок и не торопиться с выводами, поскольку предполагаемая "ошибка" может оказаться закономерной хронологической или территориальной модификацией какого-либо слова. Характерна в этом отношении полемика А.Е.Крымского и М.В.Довнар-Запольского о значе-

нии слова у р о д л и в н ѣ у пичуков (см.: А.Д.Крымский. Твори, т.Ш. Київ, 1973, стр.419, 443-444). В слове *perre* 'род острого ножа' у Ричарда Джемса Б.А.Дарин склонен был видеть опisku вместо к о р т (стр.196, 204, 263, 280), но ввиду коми-зырянского и удмуртского п у р т 'нож' слове п е р т 'род острого ножа' должно быть признано реальным для Русского Севера ХУП в. Едва ли есть необходимость русское северо-западное название рукавиц *Duanytzu* [т.е. дя́нница, дя́нница, дя́нница, дя́нница] "Viehhandschuenn" в русско-немецком словаре XVI века (См.: С.Строев. Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в Публичных библиотеках Германии и Франции. М., 1841, стр.131, а также Диалектная лексика. 1973, стр.44) исправлять на сомнительное *Dlanytzu 'дланица, как это сделано М.П.Алексеевым в книге Словари иностранных языков в русском азбучнике ХУП века. Л., 1968, стр.132.

7. Новые данные по истории старинных русских слов, которые раньше совсем не объяснялись или же объяснялись неточно, должны отразиться в издающемся сейчас Сл.РЯ XI-XУП вв., который призван заменить устаревшие уже лексикографические пособия, из которых ошибочные толкования попадают как в прикнижные словарики, так и в основанные на них своды типа Краткого словаря древнерусского языка (XI-XУП веков) Г.Г.Ланта. Мюнхен, 1970.

К.И.Ходова

О числе и роде старославянских существительных
в связи с вопросом о границах слова

I. Основные грамматические показатели имени существительного, выражаемые в старославянском языке синтетически, - тип склонения, грамматический род, различия по наличности - личности, грамматическое число, падеж - разнородны по своему назначению. Первые три типа показателей являются классифицирующими: при их помощи существительные разделяются

на лексикограмматические разряды. Типы склонения разделяют все существительные на несколько групп. Посредством грамматического рода обеспечивается еще одно разделение: на три группы, в каждую из которых входят, в целом или частично, несколько разных типов склонения. В пределах имен мужского рода, имеющих, за некоторыми исключениями, родит.пад. на -а, в ед. числе осуществляется разделение по наличности-личности.

Наоборот, показатели грамматического числа состоят на службе грамматической оппозиции, обозначая изменение грамматического значения существительного, относящегося к любому из лексико-грамматических разрядов. Итак, число и род отличаются друг от друга тем, что первое предполагает изменимость одного и того же существительного, его переход от единственности к двойственности и множественности, второй же — неизменяемость существительного, закреплённость его за одним из трех родовых разрядов. В свете этих основных функциональных характеристик числа и рода отклонениями от обычного состояния можно было бы считать "неизменяемость" существительных в числе и изменимость в роде.

2. Существительные, у которых обычно не употребляются формы мн.числа, называются *singularia tantum*. От этих существительных обычно образуются словоформы с внешними признаками ед.числа. Сюда входят обозначения предметов, к которым, собственно, понятие числа не применимо, так как в отношении их единичность и множественность не могут быть противопоставлены. Это, например, названия веществ и материалов, которые воспринимаются как неделимая масса (бръниѣ, земля, оудавленина, гадъ, мѣдь), наименования разного рода абстрактных понятий (бѣдъниѣ, великота, оуность), обозначения множеств однородных в каком-либо отношении предметов, которые мыслятся как нераздельные совокупности (собираельные: таль "заложники", стража, челдѣ, чдѣ).

Вероятно, были в старославянском существительные, употреблявшиеся только в дв.числе. Слова этой категории следу-

ет искать среди наименований парных предметов, которые зафиксированы в дв., но не встречаются в ед.числе. Ср., например, глѣзнь "щиколотки" (варианты им.падажа также глѣзница и глѣзны, род.пад. глѣзноу); плеснь "стопы" (род.пад. плесноу, твор.пад. плеснома); плесньци "башмаки, сандалии" (винит.пад. плесньци, твор. плесньцема). Но, видимо, далеко не все выявленные такие слова в обиходе могли употребляться только в двойственном.

Существительные *pluralia tantum* имеют морфологические признаки мн.числа при отсутствии у них соотносительной формы ед.числа. Вообще же разграничение единичности и множественности им не чуждо (ср. одни сани и многие сани); таким образом, у *pluralia tantum* "в каждом падеже словоформы разных чисел омонимичны" (А.А.Зализняк. Русское именное словоизменение, стр.59). Ср.существительное плѣща "легкие, внутренности", согласующееся с глаголом мн.числа, брѣня "броня", которое несколько раз встречается в форме мн.числа, клѣща "клещи", стѣгны "улицы". А.Вайан относит к *pl. tantum* также кола "повозка", ложесна "утроба матери", прѣси, вои, людинѣ, гѣсли, ѣсли, плѣвы "мякина", пѣны, кѣнигы, жрѣнови, зорѣ, дрожидѣ (см. "Руководство по старославянскому языку", стр.198) (но ср.ложесно в Супр., 249, 13). Сюда же включались некоторые парные существительные со значением собирательности: ноздри, оуста. Колебания между *pl. tantum* и ед.числом (кроме указанного выше ложесна - ложесно): вѣньзи ножъ въ ножницѣ. Ио.ХУШ, II Мар., Зогр., Остр. - въ ножницѣх Ассем. (в словаре ЧСАН ед.число не отмечено).

Словоформы *pl. tantum* и *sing. tantum* лексикализуются, получая значения, отличающиеся от значений простой множественности или единичности. В силу этого неизменно по числам словоформы и словоформы со значениями ед. или мн.числа связываются с разными классами предметов и имеют разные лексические значения, которые могут обособляться вплоть до образования разных слов. Взаимная мотивированность лексического и грамматического обуславливается,

тем, что "считаемость" связывается с одним значением слова, а "несчитаемость" — с другим.

Словоформы *singularia tantum* отличаются по значению от омонимичных существительных, способных изменяться по числам. Например, земля как обозначение вещества является *sing. tantum*, в то время как земля в значении "область", "страна" может принимать формы неединственного числа. Это два разных слова, но не два разных значения одного и того же слова.

Словоформы *pluralia tantum* оказываются в ряде случаев омонимичными словоформами мн.числа существительных. Ср., например, кола "повозка" (*pl. tantum*) и кола "колеса" (мн.число), которые являются разными словами.

3. Изменяемость существительных в роде не следует, конечно, понимать буквально: это, скорее, колебания, оформление одной и той же основы разными родовыми показателями. В отличие от одушевленных, различающих при помощи родовых показателей естественный пол (ср. рабъ — раба, подроуѣ — подроуга), у неодушевленных разница в принадлежности к грамматическому роду не имеет специальной, закреплённой языковым употреблением, опоры в плане содержания; различия в роде лишены у них, в принципе, семантических соответствий, и разные родовые оформления одной и той же основы являются вариантами одного и того же слова. Ср. блюдо и блюдь, диво и дивь "удивление", grano и грань (грань) "стих", езеро и езерь, овоште и овоштъ, гобино и гобина "изобилие", зьло и зль, олово и оловь, завѣса и завѣсъ, крѣчага и крѣчагъ, ограда и оградъ, тайбно и тайбна "тайна", зьдъ муж. рода и зьдъ жен.рода "обработанная глина", "черепок", альча жен.рода и альчь муж.рода "голод". Ср. также колебания в роде у существительных неславянского происхождения: аспида и аспидь, кроусталь и хрѣстало, кедра и кедрь (кедрь), муро и мѣра, талантъ и таланто.

Но любые, даже не слишком значительные, расхождения в лексической семантике, совпадающие с различиями одной и той

основы по грамматическому роду, уже позволяют говорить о разных лексемах. Ср. блазна "заблуждение, ошибка", блазнь "обман, призрак"; въздрасть (муж.рода) "рост, возраст" и въздрасть (жен.рода) "возраст".

Варианты одного и того же слова, создаваемые разными родовыми показателями – наглядное свидетельство постепенности становления грамматического рода, доказательство немотивированности родовых разграничений для неодушевленных существительных. В синхронном плане это явление знаменует собой наличие весьма своеобразных отношений между словом и лексико-грамматическими разрядами: одно и то же слово входит сразу в несколько разрядов, находится над разрядами.

Варианты логично помещать в пределах одной и той же словарной статьи (но даже частичное расхождение в семантике омонимичных слов диктует необходимость давать их в разных статьях). Между тем данный принцип проводится непоследовательно. См. в словаре ЧСАН разные статьи на альча и альчь, диво и дивъ, grano, грань и грань, которые, таким образом, преподносятся как разные слова; в то же время блюдо и блюдь даются в одной и той же статье, то есть представлены как варианты одного и того же слова.

4. Грамматические отклонения существительных в числе и роде тесно связаны с проблемой тождества слова и могут быть полезными ориентирами при разработке словарных статей. "Неизменяемость" в числе сопровождается нарушением тождества слова, наличием омонимов. "Изменяемость" в роде для существительных неодушевленных в большинстве случаев означает объединение вариантов в границах одного и того же слова.

50 лет Картотеке ДРС

В 1975 г. исполняется 50 лет Картотеке ДРС – самому полному в нашей стране собранию лексики по памятникам русской письменности XI–XVII вв.

Собирание материалов для Картотеки было начато по инициативе академика А.И.Соболевского. Он возглавил Комиссию при ОРЯС по собиранию словарных материалов по древнерусскому языку. Позднее секретарями Комиссии были М.Н.Сперанский, С.П.Обнорский, С.Г.Бархударов, Б.А.Ларин.

Комиссия привлекла к работе по определению круга источников Картотеки, непосредственной выборке из памятников письменности, к обсуждению программы работ многих крупных ученых – филологов, историков, знатоков русской письменности: Е.Ф.Будде, П.К.Симони, А.М.Селищева, В.Ф.Ржигу, Ф.В.Буслаева, В.И.Срезневского, Е.С.Истрину, В.В.Майкова, И.М.Тарабрина, А.Д.Сидельникова, М.Д.Приселкова, П.А.Романова, П.А.Садикова, Д.И.Абрамовича, В.П.Адрианову-Перетц, С.П.Обнорского, М.В.Щепкину, С.Г.Бархударова, Г.Е.Кочина, Н.С.Чаева, Б.А.Ларина, Л.В.Щербу и мн. других.

Картотека ДРС, находившаяся в Ленинграде, насчитывала в конце 40-х годов около 1.200.000 карточек-цитат. О Картотеке, принципах выборки материалов писал профессор Б.А.Ларин, много и плодотворно работавший над ее пополнением, особенно по периоду XV–XVII вв. (Б.А.Ларин. Проект Древнерусского словаря. Принципы, инструкции, источники. М.–Л., 1936. Б.Л.Богородский и Е.М.Иссерлин. Б.А.Ларин в работе над древнерусским словарем. Вестник ЛГУ, № 20. 1973). Характеризуя Картотеку, академик Д.С.Лихачев пишет: "Следует прежде всего указать на то, что она в основном составлена выдающимися лингвистами, литературоведами и историками, принявшими участие в самой предварительной,

"черной" работе по расписыванию памятников... Можно с уверенностью сказать, что такого состава крупнейших ученых, которые бы в такой степени были начтаны в древнерусских текстах, собрать для написания карточек ДРС никогда больше не удастся... Картотеку ДРС, составленную учеными, всесторонне изучившими первые восемь веков русской истории... следует уже по одному этому признать уникальной" (Д.С.Лихачев. Заключение об "Указателе источников Картотеки ДРС". Рукопись).

В 1952 г. Картотека была перевезена в Москву. В настоящее время она хранится в Институте русского языка АН СССР. Пополнение Картотеки продолжается. Сейчас она насчитывает более 1.500.000 карточек-цитат. Ее материалами пользуются советские и зарубежные исследователи истории русского языка, к ней обращаются за справками специалисты самых различных областей знания. С учетом ее данных ведутся исследования многие научные коллективы Академии наук и высших учебных заведений СССР.

Истории создания Картотеки ДРС и современному ее состоянию посвящены публикации: О.И.Смирнова. Картотека Древнерусского словаря (ДРС).— "Лингвистические источники. Фонды Института русского языка". М., 1967. С.П.Мордовина, Г.Я.Романова. Об источниках Словаря русского языка XI—XVII вв. ВЯ, № 3, 1974.

С 1975 г. под руководством члена-корреспондента С.Г.Бархударова началось издание "Словаря русского языка XI—XVII вв." С материалами Картотеки связаны и такие лексикографические труды, как Этимологический словарь славянских языков под ред. О.Н.Трубачева, Этимологический словарь русского языка. Ред. Н.М.Шанский, Словарь-справочник "Слова о полку Игореве". Сост. В.Л.Виноградова. Под ред. Б.Л.Богородского, Д.С.Лихачева, О.В.Творогова.

Источники, состав Картотеки ДРС

С.П.Мордовина, Г.Я.Романова

Картотека ДРС и перспективы ее пополнения

Картотека ДРС – одна из крупнейших словарных картотек в нашей стране, пополнение которой продолжается уже полвека. Ее документальную основу составили сотни памятников XI–XVI вв., опубликованных и неопубликованных, сохранившихся в подлинниках и списках. В картотеке представлены все типы источников указанного периода, в ней содержится выборки из более чем 120 житий, 165 сказаний и повестей, 63 поучений и слов, около 50 писцовых и переписных книг, 75 приходо–расходных книг, многих тысяч актов и т.д. Богатство и жанровое разнообразие расписанных для картотеки источников делают ее надежной основой для создания исторического словаря. С целью выяснения путей ее дальнейшего комплектования была рассмотрена документальная база картотеки ДРС, сложившаяся к 1975 г.

I. Немногочисленность письменных источников, сохранившихся от эпохи Киевской Руси, делают особенно важным достаточно полный их учет. В картотеке использованы все лучшие списки Повести временных лет, древнейшие Новгородские летописи привлечены как в издании Археографической комиссии 1888 г., так и в известном изд. А.Н.Насонова, 1960. Сравнительно хорошо представлена в картотеке лексика ранних юридических памятников – Русской Правды (по лучшему изд., 1940), Кормчих XII–XIV вв., Закона Судного людем в краткой редакции по списку 1282 г. (в дальнейшем будут расписаны пространная и сводная редакции в изд. М.Н.Тихомирова и Л.В.Милова, 1961), Мерила Праведного по рукописи XIV в. (памятник был расписан в самом конце 1974 г. и не вошел в изданный Указатель источников Сл.РЯ XI–XVII вв.), Правосудия митрополитыя XIII в. (в изд. С.В.Шикова, 1929), церковных и княжеских уставов. Последний вид источников предстоит пополнить в картотеке новыми изданиями уставов Ярослава Владимировича XII–XIII вв. (ПРП, вып. I. М., 1952, подг. А.А.Зимин, по спискам XV в.) и Свято-

слава Ольговича 1137 г. по списку 1282 г. (подг. М.Н.Тихомиров и М.В.Щелкина).

Древнейшие акты — договоры Новгорода и Смоленска с Готландом и немецкими городами, равно как и грамоты на пергамене и бересте, учтены в картотеке практически полностью. Древнерусские надписи на стенах соборов и вещах использованы в своде издания Б.А.Рибокова, опубликовавшего все известные к 1964 г. надписи XI—XIV вв. В картотеке отражены основные произведения древнерусской литературы XI—XIII вв.: Слово о полку Игореве, Слово о гибели Русской земли XIII в. (в изданиях Х.Допарева и Ю.К.Бегунова), Слово и Послание Даниила Заточника (в изданиях Н.Н.Зарубина и В.И.Малышева), сочинения Кирилла Туровского XII в. (в изд. И.П.Еремина), Успенский сборник XII—XIII вв. (подг. О.А.Князевская, В.Г.Демьянов, М.В.Дяпов), Синайский патерик XI—XII вв. (подг. В.С.Гольщенко и В.Ф.Дубровина), Патерик Киевского Печерского монастыря XIII в., житийная литература, церковные поучения и хождения и т.д. Дальнейшее пополнение картотеки будет вестись как путем привлечения новых изданий (в частности, Выголексинского сборника и служебных миней XII в., подготавливаемых в настоящее время к печати в секторе лингвистического источниковедения и исследования памятников языка Института русского языка), так и путем расписки новонайденных рукописей.

2. В общем комплексе документальных материалов периода феодальной раздробленности Руси XIV—XV вв. по сравнению с более ранним временем существенно возрастает доля актовых источников. В картотеке отражены фундаментальные издания всех известных к 1950—60 гг. актов до 1505 г. включительно, осуществленные акад. С.Б.Веселовским, акад. Л.В.Черепнинным, А.И.Голубцовым, А.А.Зиминным и др. Уже после выхода этих изданий в свет новые ценные собрания актов и отдельные документы XIV—XV вв. были обнаружены С.Н.Валком, И.А.Голубцовым, В.Д.Назаровым, Н.Д.Боголюбовой, Л.И.Таубенберг, С.М.Каштановым, В.Б.Кобриним, В.И.Корецким, Л.М.Марсиновой, А.Л.Хорошкевич, В.Л.Яниним, Н.А.Казаковой и др.

Систематический учет новых публикаций актов, их отбор для пополнения картотеки в течение ближайших лет — одна из задач коллектива Словаря.

Весьма последовательно были сделаны выборки их источников других жанров этого времени: летописей, сказаний, повестей, китий, ханских ярлыков и юридических памятников. Из литературных произведений, еще не использованных в картотеке, можно отметить Послания Нила Сорского, подг. Г.М.Прохоров, по рукописи конца XV — начала XVI в., древнейший отрывок Послания Симона к Поликарпу по рукописи первой трети XV в. (подг. Р.Поп), толковые азбуки по рукописям XV—XVII вв. (Н.С. Демкова, Н.Ф.Дробленкова) и древнерусское описание Дербента и Ширвана XV в. (по рукописи XVII в., подг. Ю.К.Бегунов). Планируется привлечь также к расписке издания Новгородской судной грамоты XV в. (ПРП, вып.2. М., 1953, подг. А.А.Зимин) и записей на рукописях Чудова и Воскресенского монастырей XII—XVII вв. ("Археографические ежегодники" за 1958 и 1960 годы, подг. М.Н.Тихомиров, Л.М.Костюхина).

3. Подавляющее большинство источников периода Русского централизованного государства, хранящихся в местных и центральных государственных архивах, все еще не опубликованы. Это обстоятельство, а также тот факт, что документация приказов и местных органов управления в XVII в. имела массовый характер, создает определенные трудности для всестороннего охвата лексики конца XV—XVII вв. Тем не менее именно на XVI—XVII вв. приходится большая часть памятников, расписанных в картотеке. Это — акты, писцовые, таможенные, стрелецкие, разрядные, посылские, родословные, приходо-расходные, кормовые, вкладные и записные книги, местнические дела, десяти, судебники 1497, 1550 и 1589 гг., Стоглав, указная книга Поместного приказа, Соборное уложение 1649 г., летописи, хронографы, Степенная книга, космографы, повести и сказания, Домострой, Назиратель, сочинения Иосифа Волоцкого, Ермолая Еразма, Вассиана Патрикеева, Максима Грека, Ивана Пересветова, князя Курбского, Ивана Грозного, Григория Котошихина, протопопа Аввакума, драматические произведения, песни, былины, травники и

лечебники, Великие четки-минеи, жития святых, народная сатирическая литература, частная и деловая переписка, следственные дела, лексиконы XVII – начала XVIII вв. и т.д.

Использование актов XVI–XVII вв. можно расширить выборками из новых публикаций С.М.Каштанова, В.А.Кучкина, В.Д.Назарова, С.О.Шмидта, Г.Н.Образцова, А.И.Копанева, А.А.Зимины, Е.Н.Поляковой, В.Я.Дерягина. Представленные в картотеке разрядные книги могут быть пополнены новейшими капитальными изданиями В.И.Буганова, а писцовые книги – одной из самых ранних известных писцовых книг, изданной М.Н.Тихомировым и Б.Н.Флорей, – торопецкой писцовой книгой 1540 г., и северными писцовыми книгами, собранными в двух выпусках "Северного археографического сборника".

К важнейшим юридическим памятникам XVII в. относятся еще не учтенные в картотеке Новоторговый устав 1667 г. (ПРП, вып. 7. М., 1963) и Сводный судебник 1606–1607 гг. (ПРП, вып. 4. М., 1956). Немаловажно отражен такой своеобразный источник, как указы и уставные книги приказов: помимо указной книги Поместного приказа к настоящему времени изданы (А.А.Зиминим, А.И.Копаневым и В.Д.Назаровым) книги Разбойного, Холопьяго, Земского, Ямского и Московского Судного приказов. Очень полно, в значительной части по рукописям, учтены в картотеке приходо-расходные книги, ценным дополнением к которым могут служить публикации расходной книги Разрядного приказа 1606–1607 гг. (А.А.Зимин и Р.Г.Королева), приходо-расходной книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1606/7 гг. (М.Н.Тихомиров и Б.Н.Флорей) и расходной книги земского целовальника Совьевской волости Вятского уезда 1674–1675 гг. (А.А.Преображенский). Значительный интерес представляют описи библиотеки Соловецкого монастыря XVI в., изданные М.В.Кукушкиной, и описи Царского архива и Посольского приказа, подготовленные к печати С.А.Левинной и С.О.Шмидтом. Планируется расписка 226 записей на книгах старой печати XVI–XVII вв., собранных и изданных К.М.Асафовым, Т.Н.Протасьевой и М.Н.Тихомировым, и 216 записей XVI–XVII вв. на рукописях собрания Е.Е.Егорова, опубликованных С.И.Сметаниной ("Археографические ежегодники" за 1961 и 1963 годы).

К основным изданиям приказной документации, намеченным к выборке, относятся: "Памятники обороны Смоленска" В.В.Гетье, "Четвертьчики Смутного времени" И.М.Сухотина, "Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа" (вып. I-2) В.Н.Сторожева, "Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства" (тт. I-2) Д.Я.Самоквасова, "Новые документы о России конца XVI - начала XVII в." Г.Н.Анпилогова, а также публикации последних лет материалов по истории русско-шведских, русско-китайских, русско-монгольских, русско-белорусских, русско-грузинских и армяно-русских отношений.

Использование литературных и публицистических произведений XVI-XVII вв. может быть расширено за счет привлечения: житий - в изданиях Л.А.Дмитриева, В.К.Бегунова и Н.Ф.Дробленковой; повестей и сказаний - Повести А.М.Курбского об Августине Гиппонском, Повести о начале Москвы, Повести о некоей брани, Повести како отомсти, Повести о втором браке Василия III, Повести о взятии Смоленска Иваном Грозным, Казанского сказания, Сказаний о Троянской войне, Сказания вкратце о бывшем пожаре града Ярославля и др. (публикации А.И.Клибанова, О.В.Творогова, О.А.Белобровой, В.И.Буганова, В.И.Корецкого, А.Л.Станиславского, М.В.Кукушкиной, М.А.Салниной и др.; Продолжения хронографа редакции 1512 года (С.О.Шmidt), летописцев XVII в. и новых посланий Зиневия Отенского (В.И.Корецкий), памфлета XVII в. на род Сухотинных (В.А.Александров), неизвестных ранее сочинений протопопа Аввакума (Н.С.Демкова), "Слова о Лазаревом воскресении" по рукописям XVI-XVII вв. (М.В.Рождественский), хождений (Н.А.Казакова, О.А.Белоброва) и памятников придворной и демократической поэзии XVII в. (А.М.Панченко, Л.С.Шептаев, А.С.Демин, И.Ф.Голубев). Свообразным памятником русской публицистики являются судные списки М.Грека и И.Собаки. Наиболее ранний список этого произведения 90-х годов XVI в. был найден в Сибири и тщательно издан Н.Н.Покровским.

Частная переписка XVII в. представлена в картотеке рядом новейших лингвистических изданий (подг.С.И.Котковым,

Н.П.Ланкратовой, А.С.Орешниковым, Н.И.Тарабасовой, И.С.Филипповой), к которым намечено присоединить документальное приложение из новой монографии С.И.Коткова *Московская речь в начальный период становления русского национального языка*. М., 1974. Расписка документальных изданий сектора лингвистического источниковедения и исследования памятников языка ИРЯ и в дальнейшем будет иметь для комплектования картотеки ДРС первостепенное значение.

Таковы существующие возможности и перспективы для пополнения картотеки ДРС лексикой различных жанров из огромного богатства сохранившихся памятников XI-XVII вв.

А.С.Орешников

Картотека ДРС и вопросы хронологизации и исследования терминологии феодальных отношений Древней Руси

I. Построение единой хронологии социально-политических и других терминов Древней Руси с учетом всех имеющихся картотек древнерусского языка, изданных словарей и словоуказателей - дело далекого будущего. Такая хронология необходима исследователям древнерусского языка, письменности, культуры и истории в целом. Картотека ДРС, благодаря широте хронологических границ и уникального собрания контекстов, является неопенимым справочником для установления хронологии слов и их значений. В силу издательских ограничений в Сл.РЯ XI-XVII вв. невозможно привести обширный цитатный материал Картотеки. И поэтому строгая процедура отбора цитат с учетом отражения хронологических границ слова и его значений является одним из основных принципов составления Словаря.

В Сл.РЯ XI-XVII вв. при датировке цитат используется знак ∞, предложенный Б.А.Ларинным. Знак ∞ служит сигналом для читателя, о возможных хронологических границах функционирования слова в тексте памятника (дата составления списка ∞ известное или предполагаемое время издания оригинала

памятника). Высказанное О.В.Твороговым сомнение в "хронологической достоверности" подобного приема вызвано представлением сложной судьбы контекста (в источниках памятника, его редакциях и т.д.), которую невозможно непротиворечиво и полно отразить в документации к словарной статье (Текстология славянских литератур. Доклады конференции. Ленинград. 25-30 мая 1971 г. Л., 1973, стр.175-183). Знак ~ при цитатах в Сл.РЯ XI-XIII вв. не предполагает во всех случаях безоговорочного отнесения в с е й лексики списка к оригиналу памятника. Относительные же временные границы реализации значения слова в Словаре уточняются приведением цитат с ранней и поздней фиксацией этого слова в памятниках письменности. Как справедливо отмечает и сам О.В.Творогов: "При последующих переписках и тем более при редакционной переработке лексика... памятника претерпевала порой значительные изменения, и, цитируя такой памятник по его позднему списку, мы не гарантированы от того, что в нем окажется к а к о й - т о п р о ц е н т (разрядка наша - А.О.) чуждой оригиналу лексики, в том числе и слов, которые вообще не существовали в эпоху создания памятника" (Там же, стр.176). Трактовка лексикографического знака ~ в Сл.РЯ XI-XIII вв., как знака хронологизации слова можно подтвердить конкретными наблюдениями датировки лексики одного из источников Словаря.

2. Краткая редакция Русской Правды цитируется в Словаре по Академическому I и Археографическому I спискам XV в. Новгородской I летописи Младшего извода: Правда Рус.(кр.) XV в. ~ XI в. (Правда Русская, т.I. Тексты, М.-Л., 1940, стр.70-73, 79-81). XI в. указывает здесь время создания основных источников Кр.ред. Правды Ярослава и Правды Ярославичей. Учесть в этой датировке иные этапы эволюции текста Русской Правды: более ранний - X в. ("Закон русский" договоров с греками) или время создания самой Кр.ред. не представляется возможным. Для X в. в науке еще не решен вопрос о ранней форме бытования текста Русской Правды, его составе, соответствии дошедшим до нас фрагментам Правды Ярослава и Правды Ярославичей. Что же касается даты составления

самой Кр.ред., то мнения ученых здесь расходятся: 50-е гг. XI в. (А.А.Зимин) – нач. XII в., около 1136 г. (М.Н.Тихомиров, Л.В.Черепнин) и др. Различно определяется в литературе и момент включения Кр.ред. в летописный текст – факт весьма существенный при учете влияний летописного контекста, отразившихся в языке Кр.ред.: Новгородский свод 1052 г. → Киевский Начальный свод 1093–95 гг. → Новгородский свод 1136–37 гг. (А.А.Зимин), первая четв. XV в. (М.Д.Приселков), первая пол. XV в., 1448 г. (А.А.Шахматов, С.В.Лихов) и др. М.Д.Приселков не без основания указывал, что составитель "Софийского временника" (по его датировке нач. XV в.) при включении в его текст – текста Кр.ред. пытался осовременить язык Правды, "т.е. сблизить с языком XV в." (М.Д.Приселков. Задачи и пути дальнейшего изучения "Русской Правды..." Исторические записки, т.16. [М]. 1945, стр.238–250).

3. Проверка цитатного материала по Картотеке ДРС и др. источникам приводит нас к выводу о необходимости большей осторожности в датировке всей лексики Кр.ред. XI веком, т.е. в отнесении ее в соответствующих значениях непосредственно к текстам Правды Ярослава и Правды Ярославичей. В Материалах И.И. Срезневского (т. II, стр.148–149), Сл.РЯ XI–XIII вв. (рукопись), Словаре древнерусского языка XI–XIV вв. (рукопись) самое раннее употребление слова *миръ* в знач. 'община', 'общество' представлено контекстом из Кр.ред.: *Аще поиметь кто чужь конь, либо шрѣже, либо портъ, а познаеть въ своемь мироу, то взѣти емоу свое, а 3 гривнѣ за обиду.* Правда Рус. (кр.) XV в. ~ XI в. Настораживает и отсутствие в картотеках цитат к слову *миръ* в этом знач. из памятников ранее XV в. В то же время, наблюдается факт возрастания документации к этому знач. в Картотеке ДРС именно по памятникам XVI–XIII вв., что может свидетельствовать об относительно позднем включении его в официальную юридическую терминологию. Возможно также в дальнейшем обнаружение более ранних материалов или критическое переосмысление имеющихся цитат в картотеках. На глубокую древность этого значения слова *миръ* указывает славянский ономасти-

ческий материал (сложные имена с компонентом - мир -). Слова, указывающие на отношение к коллективу, типа *svoj, sebe sr.* также *mir* - см. в табл. составные имена людей праславянского происхождения: В.В.Иванов, В.Н.Топоров. К реконструкции праславянского текста. - Славянское языкознание. Доклады советской делегации. У Международной съезд славистов. (София, сентябрь 1963), стр.126-132. В.Н.Топоров считает весьма правдоподобной реконструкцию праславянских формул типа *mirъ jatiti 'собрать (людей в) мир - общину', **mirъ jati(tě/ъ)ъ* 'мир собирается', **mirō/ъm jatiti ъ* 'миром собираться' (В.Н.Топоров. Из наблюдений над этимологией слов мифологического характера. - Этимология 1967. М., 1969, стр.20). (В Картотеке СДР XI-XIV вв. имеются цитаты из Новгородской грамоты 1195 г. и перевода Хроники Г.Амартеда, где слово мир может быть предположительно истолковано как ограниченный коллектив людей - население земли, города, острова.)

Из приведенной выше цитаты нельзя заключить: о каком мире - 'общине', 'обществе' идет речь о сельском или городском? В связи с этим представляется важным наблюдение М.Д.Приселкова после сличения близких контекстов Кр. и Пространной редакций. В Пр.ред. вместо слова *миръ* читается *городъ*: а послѣдъ познать въ совѣмъ городѣ (Правда Рус. (пр.), I, 125). Приселков предположил, что в протографе Кр.ред. читалось слово *городъ* и лишь в XV в. составитель "Софийского временника" (М.Кусов) заменил его словом *миръ*. В подтверждение своей мысли М.Д.Приселков писал: "аналогичный случай замены слова "город" словом "мир" можно указать в числе подновлений языка Новгородской летописи XIV в. (Синодальный список) редакторами XV в." (стр.245).

4. Лексика Кр.ред. в период с XI по XV в. "обновлялась" постепенно и различными путями. Если слово *миръ* в знач. 'община', 'общество' вошло в официальную деловую письменность из разговорной речи, где, вероятно, употреблялось в широком обиходном контексте, то *изводъ*, как можно предполагать, имело книжный источник. Слово *изводъ* в знач. опреде-

ленной судебной процедуры в Материалах И.И.Срезневского, Сл.РЯ XI–XIII вв. (рукопись), Словаре древнерусского языка XI–XIV вв. (рукопись) иллюстрируется самой ранней цитатой опять же из текста Кр.ред. Русской Правды: "то ити ему на изводъ пред 12 челоуѣкѣ". Правда Рус. (кр.), 71. XV в. ~ XI в. Здесь, как и в предыдущем случае знак ~ обязывает нас с осторожностью отнестись к датировке этого слова XI в. и безоговорочно связывать его с текстом древнейших источников Кр.ред. Имеющийся цитатный материал (Картотека ДРС XI–XIII вв., Материалы Срезневского, ср. также Материалы Г.Е.Кочина) показывает, что слово *и з в о д ъ* в знач. близком к слову *с в о д ъ* – 'процедура разыскания вора или украденных вещей' или в знач. 'процедура при судебном разбирательстве' (Кочин, стр.132) только со втор.пол.XIV – нач.XV вв. начинает широко употребляться в деловых памятниках (Дог.гр. в.к.Вас.Дм.д. 1399 г. Уст.Двни.гр. 1397 г., Псков.оуд.гр. и др.). Параллельно с этим в списках XV в. Пространной ред. происходит вытеснение в ряде контекстов слова *с в о д ъ* словом *и з в о д ъ*: *Ѡ томъ к [е] сводѣ. А и съ свое [го] города в чуждоу землю извода (свода – в древнейшем Синодальном 1280 и др. списках) иѣтъ.* Правда Рус. (пр.), 350. XV в. ~ XII в. (см. также, стр.332, 375). *И з в о д ъ* в других знач. и однокоренные слова *и з в о д и т и*, *и з в о д ѣ ст в о* и др. широко иллюстрируются цитатами из церковно-книжных памятников, восходящих к XI–XIII вв., как в Картотеке ДРС, так и Материалах Срезневского. Особую ценность имеет фиксация Срезневским слова *и з в о д ѣ н и к ѣ – ѣ х ѣ з ѣ о б т о ѹ*, (Ефр.Крм. LXXXVII. 66", что позволяет предположить первоначальную сферу возникновения и бытования слова *и з в о д ъ* в знач. 'судебной процедуры' в церковно-юридических текстах, а затем – в светской деловой письменности.

5. Сложную судьбу в тексте Кр.ред. имеют и такие слова, как *о г н и щ а н и н ѣ*, *ч е л о в ѣ к ѣ* и др. Комплексное привлечение Картотеки ДРС XI–XIII вв., Картотеки СДР XI–XIV вв., Материалов И.И.Срезневского и др. позволяют уточнить

время их бытования в тексте редакции. Рассматривая лексику Кр.ред. в границах XI–XV вв. важно учесть процесс некоторой незавершенности, постепенности лексических и семантических изменений при переходе от древнерусского к старорусскому языку. При этом роль Картотеки ДРС XI–XVII вв. особенно повышается при рассмотрении хронологической границы XIV–XV вв.

О.В.Малкова

О словообразовательных средствах русской лексики
(образования с приставкой вы- в Картотеке ДРС)

1. Образования с приставкой вы- в древнерусском и в современном русском языке неоднократно становились предметом исследования, однако имеющиеся выводы по истории формирования приставочных образований являются недостаточными, так как основаны на недостаточном конкретном языковом материале. В Картотеке ДРС насчитывается около 850 образований с приставкой вы-. Для сравнения можно указать, что в Материалах И.И.Срезневского их содержится около 150. Автором была предпринята попытка систематизировать зарегистрированные в ДРС образования, определить состав слов с приставкой вы-, выявить значения приставки вы- в составе глагольных форм и их роль в формировании этой группы слов.

2. Цитаты, содержащие лексику с приставкой вы-, извлечены по преимуществу из деловых документов. Цитаты из церковных источников встречаются реже. Как известно, старославянскому языку образования с приставкой вы- были чужды. Лексика с приставкой вы- являлась исконно русской по происхождению и обладала в оязы с этим разговорной или нейтральной стилистической окраской. В единичных случаях приставка вы- сочеталась с основами старославянского происхождения, имеющими книжно-литературную стилистическую окраску: в ы п л ъ - н и т и, в ы в р а т и т и, в ы в р ѣ щ и. Эти слова интересны тем, что словообразовательные элементы, входящие в их

состав, являются стилистически неоднородными. Большая часть слов с приставкой *вы-* по материалам ДРС датируется XV–XVII вв. Значительно уже круг слов, которые датируются XI–XIV вв., и круг слов, которые присутствуют как в древнейших памятниках, так и в средневековых.

3. Из 850 образований с приставкой *вы-*, имеющихся в ДРС, самыми многочисленными являются глаголы, их насчитывается около 600. Существительных имеется около 180, прилагательных около 70 единиц. Приведенные цифровые данные являются приблизительными, однако и в таком виде они характеризуют состав данных слов.

Существительные образования по преимуществу суффиксальным способом от соответствующих глаголов и являются именами действия. Например, *выносъ* 'действие по глаголу *вынести* – *вынести* (в знач. I)', *вынесение* 'тело умершего из дома для погребения', *выноска* 'действие по глаголу *выносить* – *вынести* (в знач. I)', *вымывка* 'мытьё, полоскание'. Реже существительные называют результат действия, указанного в основе: *выплавокъ* 'слиток металла, полученный при выплавке', *вымоль* 'мера перемолотого зерна, выход', – еще реже – производителя действия или предмет, которым действие осуществляется: *выбойщикъ* 'лицо, ведавшее отправкой на военную службу', *вытиральникъ* 'стержень для забивания заряда в оружие, заряжаемом с дула'.

4. Среди глаголов с приставкой *вы-* значительный процент составляют видовые пары, одним из членов которой является вторичный имперфектив. Незначительное число глаголов с приставкой *вы-* образует видовые пары или приблизительные видовые пары с простыми бесприставочными глаголами. Степень семантической близости членов таких пар является различной. В ряде случаев семантическая близость превращается в тождество, члены видовой пары различаются только видовым значением. Таким образом, приставка *вы-* в подавляющем большинстве случаев выступает как носитель словообразовательных значений и редко выражает чисто видовые значения.

5. Лингвистическая традиция отмечает два основных сло-

вообразительных значения у слов с приставкой вы-: 1) указание на направление процесса наружу; 2) производное значение – указание на окончание процесса с различными дополнительными семантическими оттенками – доведения действия до результата, полноты, тщательности, интенсивности осуществления действия и др. В соответствии с этим глаголы с приставкой вы- деляются на две большие группы: группа А – глаголы, в которых приставка имеет пространственные значения; группа Б – глаголы, в которых приставка имеет количественно-временные значения. В ДРС глаголы второй группы численно преобладают.

6. В состав группы А входят производные непереходные глаголы, с общим словообразовательным значением 'удалиться с помощью действия, названного основным глаголом' (выйти, вы́хати, вы́жати), а также переходные глаголы с общим словообразовательным значением 'удалить с помощью действия, названного основным глаголом'. На базе общего представления о направлении процесса откуда-л. куда-л. в ряде глаголов группы А возникли значения 'явиться, появиться где-л. с помощью действия, названного основным глаголом', а также 'извлечь, получить что-л. с помощью действия, названного основным глаголом'. В качестве примера может быть приведен глагол выйти.

ВЫЙТИ. I. 'Выйти'.(907): Выиде Олегъ изъ корабля. Ник. лет. IX, 18. || 'Уйдя откуда-л., прийти, появиться где-л.' ... Их судно в Нижней не вышло. Хоз. Мор. II, 152, 1650 г.

|| 'Поступить, быть вывезенным, доставленным (о заграничных товарах)'. А сколько де китайскихъ товаровъ воякихъ съ ними въ Нерчинскъ вышло... подали... роспись. ДАИ X, 293. 1699 г. || 'Объявиться, обнаружиться'... 2. 'Прибыть для службы из чужой страны, издалека.' Роспросить, какой чело-вѣкъ въ первые ли нынѣ вышелъ, или напередъ сего служилъ на Руси. АМГ I, 122, 1614 г.

Смещение в представлениях о направлении движения зарегистрировано как в прямых значениях глаголов, так и в

переносных значениях. Ср.:

ВПАСТИ... . 3. 'Брать начало (о реке, ручье)'. И откуда та рѣка выпала, и куда устьемъ и въ которую рѣку или въ море впала. (Пам. об исслед. р. Лена) РИБ II, 375, 1619 г. 4. 'Впадать (о реке, ручье)'. А там рѣка... потекла в степь и выпала в Донъ. X. Котова, 71. 1624 г.

Последний пример интересен тем, что в результате смещения в представлениях о направлении движения одно и то же слово получило два противоположных значения, выступающих на фоне одного общего понятия.

7. В глаголах группы Б указание на окончание действия обычно соединяется с различными дополнительными семантическими элементами. В одних глаголах содержится указание на достижение результата действия: **выпамятовати** 'вспомнить, припомнить', **выучити** 'обучить, научить', **вычести** 'получить результат при подсчетах, сосчитать'. В других глаголах имеется указание на полноту, тщательность, интенсивность осуществления действия: **вывохрити** 'покрыть охрой', **выборонвати** 'выборонить до конца', **выконопатити** 'закончить конопачение чего-л.', **выстлати** 'сплошь покрыть, устлать чем-л.', **высмотрѣти** 'внимательно осмотреть, рассмотреть, изучить', **выразумѣти** 'понять целиком, полностью, уразуметь', **выдумати** 'хорошо обдумать', **выпотѣти** 'хорошо пропотеть'. Ср. отсутствие в глаголе **в ѣ п ѣ в а т и** дополнительного семантического элемента тщательного осуществления действия, в то время как в современном русском литературном языке этот оттенок имеется:

ВЫПѢВАТИ. 'Исполнять голосом, петь'. А кто отъ церкви тое деревню восхититъ и священники не учнутъ обѣденъ выпѣвать и о государскомъ здравии бога молити... судия имъ богъ. (Дар. зап.) Влад. сб., 133. XVI в.

8. Достаточно многочисленную группу образуют глаголы с общим словообразовательным значением 'получить что-л. с помощью действия, названного основным глаголом': **вылгати** 'с помощью лжи получить что-л.', **вымолоти** 'получить за по-

мол в качестве платы', выпросити 'добиться чего-л. усиле-
нными просьбами', высулити 'добиться чего-л. путем обещаний,
посулов', выцѣловати 'получить что-л. при тѣже в результа-
те подтверждения своих показаний крестным целованием'. У
несколько меньшего числа глаголов основное словообразова-
тельное значение связано с идеей исчезновения предмета в
результате действия, названного основным глаголом, или ут-
раты им каких-л. свойств: выболѣти 'исхудать от болезни',
вылежати 'похудеть от долгого лежания во время болезни',
выпрѣти 'сопреть, сгнить', вымокнути 'погибнуть от избыт-
ка влаги (о растениях); выгниити 'разрушиться в результате
гниения', выгорѣти 'быть уничтоженным огнем или высохнуть,
погибнуть от зноя', выпахати 'истощить землю посевами', вы-
родити 'топча, причинить ущерб, испортить'. Любопытным при-
мером утраты лексического значения приставкой вы- и приоб-
ретения ей чисто видового значения является глагол вымерети.
Глагол употребляется в этом случае в значении 'умереть':
А которой по грѣхомъ изъ тое тысячи вымереть, а синь его къ
той службѣ не пригодится, ино въ того мѣсто прибрать иного.
ААЭ I, 217. 1550 г.

Г.П.Смолицкая

Ономастика в Картотеке ДРС

I. Ономастика – важный источник изучения любого языка, в том числе русского языка XI–XVII вв., представленного в Картотеке ДРС.

В ономастике сохраняются исчезнувшие из употребления слова (берсань, блонье–болонье, корь, лоск, сежа и др.: приказчик Берсень Скобеев, д.Совеи Корь > Совинкорь > Совинкорино, д.Блонная, д.Лосковая и др.).

Ономастический материал, особенно топонимы и гидронимы, дает возможность уточнить и иначе хронологизировать время заимствования слов в русском языке: ендова (раннее заимствование); камыш (позднее заимствование, не ранее XVI в.).

Решающая роль в этом принадлежит анализу соотношения лексического и семантического поля апеллятива внутри ономастикона.

Ономастический материал, имеющийся в Картотеке ДРС, дает большие возможности исторической лексикологии и диалектологии в установлении ареалов важнейших лексем, поскольку является единственным источником их локальной характеристики: вертеб - вертеп, дебрь, дол, тереб и др. (овраг Вертеб, верх Вертебинский, овраг Сухой Дол, р.Дебря, д.Теребовая, д.Теребовля и др.). Ареалы многих лексем, восстановленные на основании имен собственных, дают ценные свидетельства по лингвистической, лингво-исторической и этнической истории носителя русского языка (верх: доск, тереб: дор).

Имена собственные дают возможность значительно раньше датировать слова в русском языке. Так слова берсень, прилука представлены в Картотеке ДРС только именами собственными: в монастырь к Спасу на Прилуки. Суб.Мат.І, 229. 1667 г. Берсень Микитиць. Польск.д.І, 74. 1492 г. и др. Как апеллятивы они отсутствуют в памятниках русского языка XI-XVII вв. и в памятниках староукраинского языка.

2. В практике создания словарей русского языка часто используется ономастический материал. См. Словарь В.И.Даля, Этимологический словарь русского языка М.Фасмера, издающийся Словарь-справочник "Слова о полку Игореве" (сост.В.Л.Виноградова), подготовленный к изданию Словарь русского языка XVIII в. (под ред.Ю.С.Сорокина). Ономастический материал представлен и в Словаре староукраинского языка (под ред. Л.Л.Гумецкой). Кроме того, в русской лексикографии имеются и чисто ономастические словари разного характера. См. Н.М.Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен, С.Б.Веселовский. Ономастикон. Немецкие издания: М. Vasmer. Wörterbuch der russischen Ortsnamen; Wört.d.rus. Gewässernam. В.А.Никонов. Краткий топонимический словарь, Опыт словаря русских фамилий и др.

3. Ономастические материалы Картотеки ДРС богаты и

разнообразны. Создается впечатление, что в процессе создания Картотеки ДРС не стоял вопрос о расписывании ономастических материалов. Но в зависимости от интересов и склонностей отдельных лиц, пополнявших картотеку собственными материалами, при расписывании обычных текстов, особенно делового характера, ономастический материал в значительном количестве попал в Картотеку. Оказался специально расписанным ономастический материал около 100 памятников русского языка XI–XVII вв. Среди них Новгородская П лет., Никоновская лет., Типографская лет., Акты юридического быта, т.П, Акты исторические, тт.П, VI, Дополнения к актам историческим, тт.УI, УШ, Акты Московского государства, Писцовые кн. Московского государства XVI в., Новгородские писцовые кн., Новгородские кабальные кн., Ярославские писцовые кн., Писцовые кн. Ростовского у., Приходо-расходные кн. Божии-Троицкого Дорогобужского м., Обнорского м., Книга ключей XVI в., Памятники дипломатических отношений Русского государства с Польско-Литовским, т.І, Донские дела, т.П, IV, Дела Тайного приказа и др. памятники письменности русского языка XI–XVII вв.

Этот материал в Картотеке ДРС в количественном отношении уступает материалу, например, словаря Тупилова в четыре раза, но часто это новый, отсутствующий в словаре Тупилова. Кроме специально расписанного ономастического материала, в Картотеке ДРС имеется уникальный ономастический материал, находящийся внутри цитат на обычные слова, например, на слова дворь, правда имеется до 100 топонимов и антропонимов. Такого ономастического материала в Картотеке ДРС значительно больше, чем в любом из указанных ономастических словарей, в том числе в словаре Тупилова. Общее количество его в Картотеке приблизительно равно 100 000 единиц.

4. Последний том Сл.РЯ XI–XVII вв. предполагается посвятить именам собственным. О том, как должен быть подан этот материал, говорить надо особо, но одно бесспорно – это должен быть перечень всех имеющихся в картотеке топонимов

и антропонимов, включая все их варианты с обязательным указанием источников, в которых они зафиксированы. Выявление, систематизация ономастического материала Картотеки ДРС, точная его документация должны стоять на первом месте при создании последнего тома словаря. Историко-этимологический комментарий этого материала должен составить несколько томов специального исследования.

Для создания этого тома — ономастикона русского языка XI—XIII вв. — необходимо пополнить Картотеку ДРС. Необходимо расписать наиболее важные и ранние памятники письменности этого периода: Повесть временных лет по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам, Духовные и договорные гр. великих и удельных князей, Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси. Необходимо расписать дополнительно памятники письменности, отражающие диалектные особенности русского языка того времени, в первую очередь южнорусские.

Г.Ф.Одинцов

Гиппологическая лексика в Картотеке ДРС

Историческое описание русской лексики нередко опирается на Картотеку ДРС (с привлечением, конечно, много материала). В Картотеке широко представлены контексты, иллюстрирующие употребление таких гиппологических названий, как аргамак, бахмат, (в)иноход(ец), возник, катрь, кляся, комонь, конь (и производные), лошадь (и производные), мерин, мул, орь, подвода, санник, фарь (и варианты термина), а также масте-обозначения лошади.

Можно, однако, обнаружить и не расписанные в Картотеке употребления названий, так что удается установить их более раннюю фиксацию, чем это было принято считать, — буланый (1535 г. против 1570 (1), ключа (1378 г. против 1471 (2), мухуртый (1564 г. против 1572–75 (3)). Выявляются и семантические или фонетические варианты терминов, не отмечавших-

ся прежде. (Таковы прил. м у х о р т, указывающее часто не на гнедую с оттенками масть, как в современном употреблении, а на подпалыны, на дополнительную к той или иной основной (не обязательно гнедой) окрашенность масти, что существенно для этимологии слова (4), бархмат = бахмат (5) и т.д.)

Удается, наконец, внести некоторые уточнения в вопрос об истории таких слов, как п о д в о д а. По И.И.Срезневскому, это 'телега с лошадьми' и - в форме п о д в о д и (большая часть во мн.ч.) - 'особая повинность - обязанность поставлять лошадей для переезда и перевозки' (6). Второе значение как будто имеет место в типичных зачинах жалованных грамот XIV и особенно XV вв.: Ненадобъ... ни плочая обьлка, ни ямь, ни подводн. Жал.гр.в.к. Марии Тр.-Серг.мон., 1453 г. - АОб I, 101.

Семема 'телега с лошадьми' обнаруживается с достаточной ясностью лишь в памятниках XVII в. и более поздних: На сошных подводах... велено мнѣ... тот стрелецко хлѣб... устроить на Вороножи в твої житницы (1672 г.) (7).

Вместе с тем И.И.Срезневский не отмечает еще одно значение слова п о д в о д а, обнаруживаемое в ряде текстов XV-XVII вв. - 'верховое животное, подводимое местными жителями (отсюда и название) к князьям, гонцам, посланникам и другим служилым людям' (8). По утверждениям историков, эта повинность существовала на Руси еще до татаро-монгольского нашествия, что не исключено, судя по более раннему употреблению слова в подлинниках, чем явно домонгольское (из болгарского) заимствование л о ш а д ь. (По данным Картотеки ДРС и Материалов И.И.Срезневского, первое употребление слова относится к 1267 г.; контекст, как маловыразительный, опущен.)

Древностью самой повинности обуславливается, во-первых, собственно славянское словообразование термина (в отличие от тюркизмов ям, аргамак и проч.), во-вторых, его параллельное по отношению к ям, но семантически не тождественное ему употребление в памятниках; в-третьих, показательна мотивированность его образования от п о д в о д и т ь: по В.И.Даль,

у русоких принято подводить лошадей верховых или напоказ; запряженных же подадут. Пример: Подведу я коня батюшке. Пес. (9).

В ряде памятников ст.-русск. п о д в о д а - действительно 'верховая, вьючная или запряженная лошадь, поставляемая в силу определенной повинности'; Прислали бы... подводу, на которых... Бхать... верхи. Статейн.сп. российск.послов в Дании, 1564 г.; Дать двѣ подводи, одну съ сѣдломъ и уздой, а другую съ телѣгом. Дон.д.IV, 490. 1650 г.; Подводу верховую с седломъ и уздой да проводникъ на подводе. Воронежск., 1673 г. (10); Подводи с телегами и подо вьюки. Тобольск., 1675 г. (11). Недаром историк И.Я.Гурлянд пишет, что "под подводой понимались только лошади, а не лошади вместе с санными и телегой" (12). Уточним это: имелось в виду всякое поставляемое в силу определенной повинности животное, в том числе, например, и верблюд: Николай... подвод просил многих, 70 верблюдов, да 100 лошадей. Тобольск., 1676 г. (13). Характерны контексты: подвода устанеть. 1492 г. (14), подводи безноздрать. Новг. 1586 г. (15); померли. ААЭ Ш, 184. 1622г., пали (от бескормищи). Моск. 1602 г. - РИБ, XII, кн.2, 381. Не случайно в др.-русск. контекстах термин п о д в о д а употребляется часто со словом к о р м: Отъдають съ поготовъ кормъ и подводи по пошлинѣ. Гр.Двин., 1294 г. - ААЭ I, I; упоминается оно и в противопоставлении собственным коням владыки, не поставляемым населением: Или кормы наши и коней нашихъ, или подводи. 1313 г. (16).

В Словаре Ричарда Джемса термин справедливо толкуется как 'запасные кони для государя на его пути' (Ларин. Сл.Рич. Дж., стр.88, в форме п о д в о д, м.р.; ср. ст.-польск. podwód ,возводимое к русскому источнику (17). По-видимому, такая семантика и была у термина первоначальной, судя по наличию в др.-болг. языке сущ. п о д в о д а, совпадающего, по-видимому, со ст.-русск. п о д в о д а 'лошадь, поставляемая населением государю': Ни имъ конь енгареписати. ни воловы, ни ѡслѣте, ни подводж взѣти, - ни на ино то испа-

костити, тѣмъ лодемъ. Мал.гр.болг.царя Иоанна Александра монастырю св.Николая Чудотворца, Орѣхово, 1348 г. (18). Во всяком случае п о д в о д а употреблено здесь в одном ряду с в о л и о с л я как однородный по отношению к ним компонент.

С течением времени термин стал употребляться метонимически, параллельно по отношению к описанному здесь употреблению, указывая (обычно в форме мн.ч.) на повинность населения поставлять лошадей (отмечено И.И.Срезневским, пример см.выше).

Оба эти употребления затем устаревают и вытесняются современным: русск. подвода, укр. підвода, бр.ладвода, польск. podwoda - все означают 'повозка, телега, преимущественно грузовая, двигающаяся конной тягой' (19).

Этот семантический сдвиг отражен в САР II (т.IV, 1242): ПОДВОДА... 1) Лошадь ямская, почтовая, обывательская или наемная, на каковых проезжающие ездят за известные прогоны или за наемную цену. Ехать на почтовых, наемных подводах. 2) Лошадь с повозкой и проводником, каковые употребляются для перевозки тяжестей. Обоз состоял из столькох подвод.

Первоначальную семантику слова, отмеченную здесь под цифрой 1, ни один из последующих русских словарей не отмечает.

Причины указанного сдвига заключаются, во-первых, в отмене самой старинной подводной повинности, во-вторых, в том, что примерно с XVI в. в России основное значение приобретает лошадь ездая, тягловая, в отличие от актуальной в более давние времена лошади верховой.

---

1 - П.П.Лихачев. Сборник грамот и договоров, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895, стр.11 и 14. Ср. еще: "жеребчик булан" (1560 г. - А.Г.Маньков. Материалы по истории крестьян в русском государстве XVI в. Сборник документов. Л., 1955, стр.19).

2 - Срезневский Ш, Доп., стб. 141¹.

- 3 - А.Г.Машьков. Указ.соч., стр.29.
- 4 - См.подробнее нашу статью "К истории русских гип-
пологических цветообозначений" - Русская историческая лек-
сиология (в печати).
- 5 - Лирика русской свадьбы. Изд.АН СССР, М.-Л., 1973,
стр. 22.
- 6 - Срезневский. Материалы, II, стб. 1052.
- 7 - ТВУАК I, стр.70.
- 8 - Ср. употребление глагола подводить в кн.: И.Я.Гур-
лянд. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII
века. Ярославль, 1900, стр.34.
- 9 - Даль В. Словарь. 3-е изд., III, стр.420.
- 10 - ТВУАК IV, стр.209.
- 11 - Русско-китайские отношения в XVII веке, т.I, 1608-
1683. М., 1969, стр.461.
- 12 - И.Я.Гурлянд. Указ.соч., стр.24.
- 13 - Русско-китайские отношения, т.I, стр.419.
- 14 - И.Я.Гурлянд. Указ.соч., стр.24, примечание.
- 15 - И.Я.Гурлянд. Новгородские ямские книги 1586-1631 гг.
Ярославль, 1900, стр.248.
- 16 - Собрание государственных грамот и договоров, храня-
щихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч.II, М.,
1819, стр.9.
- 17 - M.Aret. Słownik staropolski. W Warszawie. T.1,
s. 349
- 18 - Гр.Воскресенский. Славянская христоматия. Вып.вто-
рой. М., 1883, стр.8.
- 19 - ССРЛЯ X, 281; Гринченко Ш, 161; Белорусско-рус-
ский словарь. М., 1962, стр.561; Носович, 439; Słownik
języka polskiego. Red.nacz. W.Doroszewski.T. IV, s.438.

Значение Картотеки ДРС для словарной работы
и лингвистических исследований

В. А. Меркулова

Картотека ДРС и этимологические исследования

Этимологические исследования неразрывно связаны с исторической лексикологией. Во многих случаях, когда речь идет о поздних образованиях, история слова фактически равна его этимологии. Картотека ДРС дает богатейшие материалы по заимствованиям; установление первой фиксации слова позволяет нередко уточнить его этимологию. В первом выпуске словаря мы находим датировку таких слов, как авось - 1610 г.; аист - 1628 г., айва - 1642 г., акулий - XIV в., алоэ - 1653 г., апоплексия - 1534 г., артель - 1640 г., бант - 1659 г. и мн. др. Кроме того, картотека дает возможность установить варианты заимствованного слова: асма/ашма 'астма' и др.

В практической работе по этимологии слов различных периодов широко используются материалы Картотеки ДРС. Такие отсылки мы находим в статьях как советских, так и зарубежных ученых (О.Н. Трубачева, А.С. Львова, Ю.И. Чайкиной, Г. Якобссона и мн. др.). В Этимологическом словаре славянских языков регулярно даются сведения из Картотеки ДРС. Так, в третьем выпуске материалы Картотеки приводятся в двадцати пяти статьях.

В тех случаях, когда Картотека содержит уникальную архаичную лексему, не отмеченную в других словарях, ее анализу в ЭССЯ посвящается самостоятельная статья. Таковы в I вып. статьи: *avorъ и *bergyni. Др.-русск. яворъ 'кладь сена' - "единичная лексема, полные соответствия которой нам неизвестны ни из русского, ни из других славянских языков. Вместе с тем есть основания полагать, что перед нами древнее слово". "Это... слово можно объяснить как сложение приименного префикса а- и основы *vorъ, отглагольное производное от *vъrěti 'запирать'".

С другой стороны, I вып. Сл.РЯ XI-XIII вв. дает материал

и импульс для этимологических поисков. Таковы статьи, где значение слова остается неясным: башалакъ, бѣлеха, бѣльник, билинчъ, биричье и др.

Думается, что богатейшие материалы Картотеки ДРС дают очень широкие возможности для дальнейших этимологических разысканий. Вот несколько примеров.

В с к о р о с ь: Алешка въ лицѣ немного продолговать, носъ вскоросъ, глаза серы. МОР I, 596. 1677 г. Этот редкая форма, продолжающая праслав. *vъzkorъ 'курносый', 'обрезанный', ср.русск.диал. скоросный 'сердитый, вспыльчивый, сварливый' и укр. бойк. корос 'через'.

З а т и н ь, з а т и н н ы й: многочисленные примеры показывают терминологическое употребление слова в словосочетании затинная пицаль – пицаль, которая устанавливалась внутри оборонительных укреплений. В основе лежит, по-видимому, наименование оборонительного сооружения *zatinъ, которое входит в синонимический ряд: *zasѣка, *zarѣбъ. Эти термины обозначали древний вид оборонительных сооружений: срубленные и наваленные друг на друга деревья. Таким образом, *zatinъ – производное от глагола *zatѣti ← *tѣti 'рубить'.

К а р а к у л я: В соляных анбарѣх... восемь гир пудовых две гири полупудовые четыре каракули дватцат топоровъ дровосечных. Кн.Ивер. м. Ш, II об. 1679 г. Примеры позволяют сформулировать значение 'деревянное или металлическое орудие типа вил'. Ср. каракуля 'скребок для сгребания навоза' (урал.); 'искривленное дерево' (казан.), 'железные навозные вилы' (ярослав., твер.); короколь 'ответвленные части ветви, рога' (псков.). Семантика позволяет считать слово исконным и реконструировать, по Шахматову, *kъrkul'a.

К о с н ѣ т и. Примеры показывают значение 'задерживаться, медлить': (1240): Великий и волный царь Батю! Не мози много коснѣти въ земли сей, понеже убо вся уже твоя есть, но время ти есть уже ити на Угры. Ник.лет. IX, II7. Параллелизм с глаголами *muditi – *mъdѣti позволяет привлечь укр. бойк. коснѣти 'вянуть'.

О б а д а 'клевета, наговор': Аже възъидеть к тобѣ, кня-

хе, на моужа обада, тому ти вѣри не яти, дати тому неправа. Гр.Новг. и Псков., 18. 1304-1305 гг. Др.-русск. обада < *ebvada , ср. русск. новг. обавивий 'надоедливый' < *ebvaǐivъjъ и чеш. vaditi 'мешать'.

П л е м я. Такие примеры, как... прокляти племена утребн твоея. ВМЧ, Сент. I-13, 237. XVI в. передает древнее значение слова 'потомство'. Связь значений 'дети, потомство' → 'множество', ср. родно 'много' (перм.), позволяют привлечь для сравнения русск. новг. пледо 'большое количество'.

Ц н и г а. Материалы Картотеки позволяют отодвинуть первую фиксацию слова почти на сто лет. Ср. у А.Книпа - 1608 г., в картотеке: (1552): Пришла немочь великая на государевы люди, чинга и язва, многие померли и иные мрутъ и боли лежать. Ник.лет. XIII, 178; от того чинга изо рта сведется, сырѣчь доеное мясо от того погибаетъ. Травник Лѣвч., 564. XVII в. 1584 г. Хронология и вариантность форм по памятникам и по говорам позволяют искать иной источник заимствования.

Т о р т ъ: Не та едина бѣе обѣда но и новѣ бѣе ему скорчило, ако ни мало можаше ходити ни простретися, но волгаше на торть. ВМЧ, Дек., 629. XVI в. Ср. сербохорв. тртица 'кончик, хвостец'. Интересна восточнославянская огласовка слова.

Х о х о л ь 'снеток'; 'мелкий окунь': Явилъ с Волховского устья Михаило Прокофевъ снѣ рѣбн: р̄ снговъ вялих, ѣ снговъ просолннх осмина хохолен днѣгъ восьмъ рублевъ. Там.ки. Тихв.м. № 1340, 28. 1663 г. Слово не отмечено в словарях. Наименования мелкого окуня о с т р е ц, щ е л а р ь позволяют предположить исходное значение 'острый' и сравнить с русск. новг. х о х о л ь 'мучной червь', вариант ш а н е л ь то же.

Ш е б е р ь 'мусор': Чистили стѣнное письмо и вносили изъ церкви всякой шеберъ наемные работники. Заб.Мат. I, 37. 1683 г. Наиболее близки по семантике польск. szczybucha 'барахло, рухлядь', szczybry 'хворост'; формально идентичны русск. диал. щабѣр, шебер 'лещ' и 'пощечина'. Все это продолжение праслав. *šeb(ъ)gъ , производного от глагольной основы *šeb- ср.русск. новг. шебнуть 'чесаться', укр. шебати 'отщипывать, обрывать'.

Картотеки ДРС и СДР и историческая морфология
русского языка

1. Историческая морфология русского языка как часть науки о развитии этого языка стоит сейчас перед задачей создания такого представления об истории русской морфологической системы, которое отвечало бы на вопросы, связанные с диахронической сменой системных отношений в морфологии в течение длительных периодов ее развития. Как известно, современная историческая морфология русского языка является по существу собранием сведений по истории отдельных грамматических категорий вне внутренней связи истории каждой такой категории в общей морфологической системе. Такое положение в исторической морфологии сложилось в результате ряда причин, среди которых наиболее важными являются две: трудность выработки общего системного подхода к истории морфологических отношений, что связано с неразработанностью методов реконструкции морфологических явлений, свойственных живому древне- и старорусскому языку в отличие от письменного, и недостаточность фактического материала, собранного в результате исследования памятников русского языка от XI до XIII вв.

2. Работа над новой Исторической морфологией русского языка, которая ведется в настоящее время в секторе истории и диалектологии Института русского языка АН СССР, потребовала, во-первых, обсуждения и выработки принципиально нового подхода к истории морфологической системы — такого подхода, который обеспечивал бы представление о смене системных отношений в морфологии на определенных этапах развития русского языка, а во-вторых, проведения новых исследований фактов древне- и старорусской письменности с целью накопления новых материалов по исторической морфологии.

3. В решении второй задачи, без чего, вообще говоря, немислимо создание новой Исторической морфологии, неопенимум

помощь оказывают и будут оказывать Картоотеки ДРС и СРД Института русского языка. При этом важно иметь в виду, что обе эти картоотеки взаимно дополняют друг друга, позволяя установить фиксацию тех или иных форм в огромном числе памятников с XI по XIV в. В этом отношении Картоотека СРД XI-XIV вв. является источником, из которого можно получить сведения о морфологических формах древнерусского языка, а Картоотека ДРС XI-XIV вв. — источником, представляющим факты памятников старорусского периода, что обусловлено, во-первых, большей полнотой материала по древнерусскому периоду в Картоотеке СРД и, во-вторых, преимущественным вниманием к относительно поздним периодам истории русского языка составителей ДРС. Значение этих картоотек для исторической морфологии русского языка определяется прежде всего наличием в них данных об употреблении тех или иных словоформ в памятниках письменности различного характера. Изучение всех этих памятников по их изданиям или по рукописям с целью извлечения из них фактов, важных для исторической морфологии, практически невозможно, поэтому целесообразно использовать Картоотеки для пополнения данных специально изученных памятников.

4. Пожалуй, наиболее целесообразно использование данных Картоотек при изучении истории форм словоизменения замкнутых групп лексики (определенных типов существительных, групп глаголов и т.д.), развитие которых в истории русского языка имело специфические особенности на различных диалектных территориях. Установление жанровой и территориальной отнесенности тех или иных памятников, фиксирующих подобные формы, может помочь решению важных вопросов истории форм словоизменения в русском языке.

5. Вместе с тем наличие в Картоотеках цитатного материала памятников письменности, в которых те или иные словоформы представлены в широких контекстах, позволяет решать и сложные вопросы истории плана содержания морфологических категорий. Особенно это важно для изучения проблемы становления и развития категории глагольного вида в связи с историей временных форм русского языка. И здесь важно подчеркнуть, что

такие вопросы могут и должны решаться с учетом данных не только древнерусского, но и старорусского языка, ибо до сих пор остается все же нерешенной проблема временной отнесенности в формировании отвременных видовых отношений.

6. Наличие богатого и во многом совершенного нового фактического материала, обнаруживающего фиксации морфологических форм и их эволюцию на протяжении длительного исторически засвидетельствованного периода развития русского языка, в Карточках СДР и ДРС, как представляется, даст возможность существенно пересмотреть установившиеся взгляды на историю русской морфологии как на историю отдельных грамматических категорий и сделать существенный шаг вперед в построении диахронической морфологии русского языка.

Н.Б.Бахилина

Карточка ДРС как источник для исследований по исторической лексикологии

Карточка ДРС представляет собой не только материал для составления словарей, но и огромный неопенимый источник для многих исследований по исторической лексикологии. Возможности этого второго рода использования Карточки обеспечиваются рядом качеств, присущих ей.

1. Широкие хронологические рамки Карточки, содержащей выборки из памятников разного времени от XI-XII в. до первой четверти XVIII в., позволяют исследователю увидеть перспективу, непрерывный исторический процесс развития той или иной группы лексики или слова с его производными. Именно такого рода материал позволяет обеспечить широту исследования, дает возможность нарушить ставшие почти традиционными рамки многих работ, выполненных за последние годы, одни из которых рассматривают материал только раннего древнерусского периода (XI-XIII, XI-XIV вв.), другие только позднего древнерусского периода (XVI-XVII вв.).

2. Большое количество разнообразных по жанру памятников позволяет судить не только о значении слова, но и о его функционировании, о сфере употребления. В Картотеке, наряду с общеизвестными изданными памятниками содержится огромное количество выборок из рукописей, которые часто дают примеры уникальные. Для исследователя, занимающегося исторической лексикологией, весьма полезен большой материал из произведений фольклора, который содержится в Картотеке ДРС.

3. Наличие в Картотеке большого количества возможных однокоренных образований, словообразовательных вариантов разных слов обеспечивает не только возможность проследить деривационные связи слова, но и установить семантическое развитие слова, элементы которого могут фиксироваться не в основном слове, а в его производных.

4. Выборочный принцип Картотеки ДРС для исследований по исторической лексикологии не является отрицательным качеством, ибо дает возможность судить о явлении на сравнительно обозримом и разнообразном материале, который, несмотря на ограниченность, представляет по принципу вероятности все или почти все сведения о предмете исследования. Вместе с тем нельзя не заметить, что исследователи, которые пытаются установить первичную фиксацию слова в памятниках, опираясь только на Картотеку ДРС, могут сделать существенную ошибку. Судить о первой фиксации слова по Картотеке ДРС рискованно, так как из-за выборочности, случайно, наиболее ранние примеры в картотеку почему-нибудь могли не попасть.

5. Наиболее значительную часть Картотеки ДРС представляет материал памятников XVI-XVII вв., что не является каким-то недостатком Картотеки, а отражает общее соотношение в количестве ранних и поздних памятников. Поэтому Картотека ДРС наиболее полезна для изучения позднего древнерусского периода. Картотека имеет огромное количество выборок из рукописных памятников делового характера XVI-XVII вв. (различный актовый материал; книги приходо-расходные, переписные, таможенные; лечебники, травники и прочее), использование этого

материала позволяет исследователю ввести в научный оборот данные, неизвестные в литературе.

Например, в Картотеке ДРС широко представлена лексика цветообозначений. Перечень цветообозначений по материалам Картотеки содержит более ста названий (сравним, в картотеке СДР – около тридцати, в Материалах И.И.Срезневского – около пятидесяти), среди них есть редкие, которые не фиксируются словарями, например, алканый, ангулинный, брочанный, глинястый, гуляфный, нагой, облаютный, очень употребительное осиковый, сахарный, серогорачий и др. Для некоторых цветообозначений находим единичные примеры, только из рукописных памятников, например, медный цвет – Переписная книга Свирского монастыря.

6. Обширный материал картотеки, особенно по поздним векам, позволяет исследовать синхронное состояние той или иной группы лексики. Например, по материалам картотеки общее состояние лексико-семантической группы цветообозначений в ХУП в. представляется следующим образом.

Наиболее употребительны цветообозначения, называющие б е л ы й, ч е р н ы й, к р а с н ы й цвет. Белый, черный, желтый, зеленый – абстрактные цветообозначения, обладающие способностью называть не только собственно белый (белый как снег), черный, желтый, зеленый цвет, но и различные оттенки цветов близкие к ним. Эти цветообозначения используются с неограниченной сочетаемостью.

Не сформировалась окончательно группа к р а с н о г о цвета, в ХУП в. она находится в состоянии перестройки: еще употребляются старые цветообозначения с корнем *ъсгч-, но все больше вытесняет их цветообозначение красный, которое становится абстрактным цветообозначением в группе красного. В памятниках ХУП в. находим примеры использования как старых, так и новых цветообозначений не только в одном памятнике, но даже в одном тексте, например: А рухледи.. штанишка суконные красные; шапка лисья, вершок суконной червчатъ [мясной] петли зашотне; шапенко черленое с лисьямъ исподом. Дон.д.І, 229, 1630 г.

Почти сформировалась группа с и н е т о, хотя в XVII в. отчасти (ограничено жанром или территорией?) сохраняются старые употребления прилагательного синий для названий очень темного или черного цвета.

Материал памятников показывает, что для этого времени характерно наличие синонимических рядов как для основных цветов, например, для красного: червленый, чермный, червчатый, красный, так и для смешанных, например, для оранжевого: рудожелтый, жаркой, огненный, померанцевый (возможно также глинастый), для фиолетового: вишневый, таусинный, сливной, фиалковый (?) и др.

Обращает внимание сочетаемость прилагательных-цветообозначений, не свойственная современному русскому языку (более широкая или напротив более узкая), например, очи белы, красны, солови, бурны, глаза русы, русая лиса) и др. Все эти и другие данные позволяют сделать вывод, что хотя лексико-семантическая группа цветообозначений в общем близка к современной, развитие ряда групп цветообозначений в XVII в. не завершается.

Н. П. Панкратова

Значение материалов Картотеки ДРС для исследования языка памятников

Изучение частных писем XVII в., как источника, содержащего богатый материал по лексике народно-разговорного языка, показывает, что в языке XVII в. происходило своеобразное взаимодействие церковно-книжной, приказно-деловой и бытовой стихий русского языка. Это взаимодействие представляло общие закономерности развития языка в указанный момент.

Рассмотрение частных писем XVII в. как источника, содержащего богатый материал по лексике народно-разговорного языка, не может осуществляться без опоры на языковые факты предыдущих и последующих эпох. Особенности лексики частных писем, в том числе специфические процессы, проходившие в лексике XVII в., выявляются прежде всего в сравнении с данными других источников того же самого времени.

В этом отношении словари, содержащие разнообразную лексику, представляют необходимое дополнение к проводимому исследованию. Одним из основных пособий в подобных исследованиях можно считать Сл.РЯ XI-XIII вв., первый выпуск которого вышел в 1975 г. Для изучения лексики частных писем XIII в. этот словарь явился ценнейшим словарным источником, так как в нем, как ни в одном другом словаре, представлена лексика разнородных памятников XIII в., наряду с лексикой памятников более раннего периода (начиная с XI в.).

На основании словарных данных Картотеки ДРС представилась возможность выявления хронологических рамок использования отдельных слов. В качестве примера рассмотрены такие синонимические пары, как *о ч и - г л а з а , п у т ь - д о р о г а* и некоторые другие. Установлено, например, что слово *о ч и* в частных письмах встречается гораздо чаще, чем слово *г л а з а*, но исключительно в составе устойчивых словосочетаний. Слово *г л а з*, в качестве обозначения органа зрения, появилось в языке значительно позднее и к XIII в. не успело еще прочно войти в повседневную речь. По-видимому, этим объясняется то, что в XIII в. слово *г л а з* не успело заменить слова *о ч и* в словосочетаниях, как это произойдет позже.

В синонимической паре *п у т ь - д о р о г а*, первое слово отмечается словарями как более раннее, обладающее большим количеством значений как в прямом, так и переносном смысле. Для слова *д о р о г а* в словарях до XIII в. отмечается только одно конкретное значение - место, линия в пространстве, где происходит передвижение. В частных письмах слова *п у т ь* и *д о р о г а* в их конкретном значении употребляются в тождественном значении, причем более часто используется уже слово *д о р о г а*. В устойчивых словосочетаниях, хотя и преобладает слово *п у т ь*, однако в каких-то случаях оно заменяется и словом *дорога*. Таким образом, к XIII в. слово *д о р о г а* уже вообрало в себя значения, ранее принадлежавшие только слову *п у т ь*.

Словарный материал дает возможность определить особенности значения и функционирования некоторых лексических единиц. Частным письмам, как определенному виду источников, свойственны обороты и употребление отдельных слов, которые в памятниках иного типа едва ли находили столь полное выражение. Таким образом, материал частной переписки ХУП в. в соединении со словарными данными позволяет определить некоторые типы лексических изменений слов. В качестве примеров могут быть приведены значения слов *о б д е г ч и т ь с я* 'побывать, быть'; *с к у ч а т ь* 'надоедать, усиленно просить' и некоторые другие.

Материалы Картотеки ДРС позволяют выявить большую употребительность и большее количество значений в сравнении с современным у некоторых широко распространенных в частных письмах лексических единиц. Например, большая употребительность таких слов как *ч а я т ь* или *р а д е т ь* и некоторых других. Большее количество значений у слова *м е с т о* — например, *н е б о л ь ш о е м е с т о* в значении 'небольшое количество'; употребление слова *м е с т о* с различными предлогами, с которыми оно все более тесно объединялось, о чем свидетельствует постепенный переход таких словосочетаний в грамматический класс наречий: *д о с и х м е с т*, *п о с я м е с т*, *п о к а м е с т а*, *п о к а м е с т*.

Распространение элементов приказно-деловой лексики, встречающейся в текстах частных писем ХУП в., в сопоставлении с данными Картотеки ДРС, дает возможность определить, что в большинстве случаев эта лексика воспринимается как терминологическая. Однако почти все рассмотренные слова-термины, встретившиеся в письмах, не могут быть признаны однозначными и помимо терминологического имеют и другое общее значение. Подобное явление свидетельствует по всей вероятности об интенсивном процессе выработки определенных видов терминологии в указанный период, о живом характере данного явления. Это видно на примере широкого использования в частных письмах таких однокоренных слов, как *я в к а*,

явить - являть, явиться - являться, объявиться, явочный, явный и др.

На основании изучения лексического состава такого вида источников, как частные письма XVII в., в полной мере выявляется значение для исследования Картотеки ДРС. Раскрывая широкие горизонты для сопоставления лексического материала как с современными изучаемому памятниками, так и с уходящими в прошлое, Картотека представляет достоверные сведения, делающие высказываемые научные выводы достаточно обоснованными.

В.Н.Рогова

Использование материалов Картотеки ДРС при исследовании особенностей лексики произведений русских публицистов XVII в.

1. В настоящее время, когда многие лингвисты стремятся сказать свое слово об истоках русского литературного языка и представить всю его историю, особенно необходимы конкретные исследования письменных памятников, помогающие выяснить характерные черты русского языка самых важных периодов его развития - XI, XIV, XVI, XVII - XIX вв.

К теоретическим заключениям о закономерностях, действующих в языке, можно прийти лишь в результате изучения большого количества языковых фактов, конкретных языковых явлений.

2. Ученые считают, что для решения этой самой важной проблемы - возникновения и развития русского литературного языка - следует прежде всего определить место церковнославянизмов всех уровней языка в разные исторические эпохи в различных жанрах письменности.

3. Большой интерес в этом отношении представляет русский язык XVII в. - поры централизации русского государства, когда закладывается основы русского национального языка, происходит его активная демократизация, - и особенно язык

публицистических произведений этого времени, так называемый "средний стиль".

4. При анализе языка памятников русской публицистики XVI в. при определении "среднего стиля" необычайно важно представить стилистическую принадлежность лексики, установить соотношение слов различной стилистической окраски, т.к. это является главным при выявлении специфики языка каждого из видных писателей-публицистов того времени.

В связи с необходимостью такого подхода язык публицистических произведений Пересветова и Ивана Грозного, которые привлекли наше внимание, рассматривался со стилистической точки зрения.

5. Такое исследование возможно проводить только при выяснении особенностей существования слова в языке эпохи, в памятниках письменности различных жанров: в религиозно-философских сочинениях, церковной уставной и житийной литературе, в памятниках публицистических, дипломатического и юридического характера, в деловых документах, в актах, в произведениях с устно-народной основой, - а также при рассмотрении истории жизни слова в русском языке.

6. Но историк-лексиколог, занимающийся языком XVI в., испытывает огромные затруднения при исследовании в связи с отсутствием исторических словарей, в которых была бы представлена лексика этой эпохи. И только материалы Картоотеки ДРС помогают выяснить стилистическую характеристику слова, правильно соотнести его со словами другой стилистической принадлежности, а также определить происхождение, пути развития употребительности слова в языке, распространение его на определенной территории. Данные Картоотеки ДРС дают возможность выявить общее и специфичное в языке отдельных писателей.

7. Так, использование материалов Картоотеки позволило установить стилистические особенности языка Челобитных Пересветова - соотношение общеупотребительной, книжной и разговорно-просторечной лексики в них, помогло выявить

особенности языка Посланий Ивана Грозного — наличие стилистически различающихся словообразовательных типов слов, словообразовательных рядов, включающих однокоренные слова разговорно-просторечного и книжного стилей, а также конкурирующих, параллельно существующих словообразований разной стилистической принадлежности.

Привлечение в качестве иллюстраций цитат из трехсот памятников разных стилей и жанров XVI в. (в том числе и из произведений А. Курбского, М. Грека и Ермолая-Еразма), имеющихся в Картотеке ДРС, дало возможность показать специфику языка и Посланий Грозного и Челобитных Пересветова, а также установить общие особенности и закономерности системы русского языка XVI в., например, в отличие от современного русского языка.

8. Изучение выдающихся памятников русской публицистики XVI в. продолжается: рассматриваются особенности языка Посланий от имени бояр, произведений Максима Грека, Андрея Курбского, Ермолая-Еразма при использовании источников, представленных в Картотеке ДРС.

9. Таким образом, Картотека ДРС является очень важным источником для исследований по исторической лексикологии. И нет никакого сомнения в том, что материалы картотеки ДРС, а затем и составление на основе картотеки исторические словари дадут возможность создавать новые труды-описания языка русских памятников различных эпох и приходиться к доказательным выводам при разрешении многих нерешенных и недостаточно освещенных вопросов истории русского литературного языка.

О.Н.Мораховская

Исследование по диалектной лексикологии
и Картотека ДРС

I. Современная диалектология располагает значительным количеством материалов по диалектной лексикографии, соб-

ранных в разных научных центрах в процессе экспедиционных обследований, а также путем извлечения данных из различных письменных источников. Это позволяет ставить и решать определенные научные задачи как в области собственно диалектной лексикологии (понятие диалектного слова, структура диалектных различий лексико-семантического уровня, диалектная синонимика, специфика диалектной лексики, семантические микрополя и т.д.), так и шире - в плане общего языкознания (проблемы тождества и отдельности слова, полисемии и омонимии, синонимов и антонимов, структуры лексико-семантических групп и т.д.).

Проблематика, связанная с этими видами источников, относится, главным образом, к области описательной диалектологии: исследуются отношения элементов лексико-семантических подсистем в определенном синхронном срезе, рассматриваются вопросы функционирования лексики - возможности стилиевой дифференциации лексики диалекта, влияние на лексику диалекта лексики литературного языка, взаимовлияние лексики разных диалектов и т.д.

2. Вопросы исторической диалектологии лексико-семантического уровня могут быть рассмотрены на диалектных данных либо в сравнительно-историческом плане (в результате чего их решение остается всегда проблематичным), либо лишь в весьма узких хронологических рамках. Первое ограничение связано со спецификой метода, с одной стороны, и лексико-семантического уровня, постоянно и непосредственно обусловленного внеязыковой действительностью, с другой. Решение любой частной проблемы лексико-семантического уровня на основе сравнительно-исторического метода требует обязательной проверки конкретно-историческим материалом. Это объясняется множественностью тех внешних фактов, которые вызывают изменения в лексике и семантике, и многообразием специфически языковых возможностей реализации этих изменений.

Второе ограничение (хронологического порядка) объясняется тем фактом, что накопление материала по диалектной лексикографии происходит лишь в последние полтора столетия.

3. Основным источником исторической диалектологии на лексико-семантическом уровне могут быть лишь данные письменных памятников. Наиболее широко эти данные представлены в Картотеке ДРС: хронологически – от древнейших памятников древнерусской письменности до начала XVIII в.; территориально – в принципе для всей территории, откуда дошли письменные источники древнерусского языка и языка великорусской народности.

Для исследователей диалектной лексики, располагающих в качестве основного материала данными современных говоров в их совокупности (т.е. такими материалами как картотека СРНГ или ответы на вопросы по лексике и семантике "Программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка"), Картотека ДРС имеет особенно важное значение. Она позволяет получить конкретные данные о словах в исторической перспективе. Для решения вопросов о происхождении диалектного различия, о процессе его формирования нам нужны сведения о том, когда слово появилось в памятниках, имело ли оно территориальную прикрепленность в разные исторические периоды, было ли оно ограничено какими-то определенными жанрами письменности или было в жанрово-стилистическом отношении нейтральным, какова была его сочетаемость, какие слова участвовали наряду с ним в процессе формирования диалектного различия и т.д.

Эти сведения мы в той или иной степени извлекаем из Картотеки ДРС. Хотя эта Картотека и не отличается исчерпывающей полнотой, она помогает сориентироваться и в вопросах частотности, и в направлении дальнейших поисков необходимого исторического материала.

Картотеки ДРС и СДР и историко-лексикографическая работа

Институт русского языка АН СССР в настоящее время располагает двумя большими картотеками древнерусского языка: картотекой ДРС, на базе которой составляется Сл.РЯ XI-XIII вв., и Картотекой СДР, на основе которой создается Словарь древнерусского языка XI-XIV вв. Каждая из этих картотек были не раз описаны в печати (Подробную библиографию см. в статье С.П.Мордовиной, Г.А.Романовой "Об источниках Словаря русского языка XI - XIII вв." - ВЯ, 1974, № 3.) Время и способы создания их различны, принципы и охват материала тоже разные, но при всем различии цель у них общая: облегчить историко-лексикологические исследования специалистам, создать словари, которые явились бы пособием при чтении древнерусских текстов. И в этом плане вполне допустимым является сравнение обеих картотек, поскольку в сравнении легче выявить роль каждой из них в историко-лексикографической работе, а также определить качество создаваемых на их основе словарей.

I. Основными условиями лексикографической картотеки являются следующие: а) хронологические рамки картотеки; б) выбор источников для расписки; в) принцип расписки (сплошная, выборочная, смешанная); г) объем цитаты, выписываемой на карточку. Как же осуществляют эти условия Картотеки ДРС и СДР и в чем их преимущества и недостатки для лексикографической и лексикологической работы?

а) Хронологические рамки ДРС - XI-XIII вв. (частично I-я пол. XIII в. и ранний фольклор); хронология СДР ограничивается ранним периодом XI-XIV вв. (частично I-ой трети XV в.).

б) Выбор источников в первую очередь диктуется хронологическими границами: Картотека ДРС имеет гораздо большее количество источников за счет памятников XV - XIII вв. Ранняя же часть ее (общая для обеих Картотек) представлена

как памятниками XI - XIV вв., так и памятниками этого периода, известными нам лишь в поздних списках XV - XVII вв.; последнее в СДР не допускается. В СДР был предпринят более строгий отбор памятников - только по русскому изводу, чего нельзя было сделать в ДРС, ввиду ее длительного создания разными людьми и коллективами. Общая хронология обусловила и общую расписку некоторых памятников (ранние летописи, Хрон.Амарт., Пчела, Усп.сб. XII-XIII вв., грамоты Кир.Тур. и др.). Однако полного совпадения здесь не произошло, вследствие разного принципа расписки и разных объемов карточной цитаты.

в) Если в основу ДРС была положена выборочная расписка текстов, то СДР создавалась на принципе сплошного расписывания, что давало возможность более глубокого проникновения в семантику памятника.

г) Этим диктовалась и выписка на карточку большего отрезка текста в СДР. Таким образом, картотека ДРС характеризуется шириной лексического состава, картотека СДР - глубиной его, т.е. семантической исчерпанностью в объеме расписанных памятников. Отсюда вытекает в первую очередь разность основных задач, поставленных перед составителями данных словарей: Сл.РЯ XI-XVII вв. "должен служить справочным пособием для широких кругов читателей при чтении и переводе памятников древнерусской письменности" (С.П.Мордовина, Г.Я.Романова. Указ.соч., стр.56; Г.А.Богатова. "О работе над Малым словарем древнерусского языка XI-XVII вв." - Известия ОЛЯ АН, т.25, вып.6, 1965, стр.524); "Словарь древнерусского языка XI-XIV вв." предназначен больше для специалистов (Словарь древнерусского языка XI-XIV вв. Введение, инструкция, список источников, пробные статьи. Под ред. чл.-корр. АН СССР Р.И.Аванесова, М., 1966, стр.27).

Нами проведено сравнение словника СДР на А-В с первым выпуском Сл.РЯ XI-XVII вв. по общему для них периоду XI-XIV вв. Слова общей хронологии в аспекте сравнения были поделены на три рубрики: 1. Слова, которые есть в ДРС, но отсутствуют в СДР; 2. Слова, которые есть только в СДР; 3. Лексика, общая для обеих Картотек, но представленная

в Словаре ДРС поздними списками или поздними памятниками. Соотношение между этими рубриками формально примерно равное; фактически же, учитывая ряд особенностей обеих Картотек и словарей (в ДРС частично введена лексика из Материалов И.И.Срезневского; лексика, извлеченная из списков ХУ-ХУП вв. для памятников XI-XIV вв.; подача в Сл.РН XI-XУП вв. минимального числа цитат в словарной статье и т.п.), можно говорить о несколько большем количестве слов, которых нет в ДРС, что совершенно естественно вытекает из основного ориентира ДРС на памятники ХУ-ХУП вв.

Сравнивая Картотеки ДРС и СДР, можно сделать вывод, что они самым благоприятным образом дополняют друг друга, почти не повторяясь в своем общем хронологическом периоде, что следует ожидать также и от словарей, составляемых на их базе. Если в ДРС преобладает военно-бытовая, разговорная, деловая лексика, специальная ремесленная терминология (что касается в основном позднего периода), то в СДР получает преимущество лексика книжная, церковная, философско-дидактическая, церковно-правовая терминология.

2. Огромное богатство Картотек ДРС и СДР успешно используется для написания истории отдельных лексем, монографий и специальных исторических словарей. Как составитель Словаря-справочника "Слова о полку Игореве" остановлюсь на степени использования материалов и значения обеих картотек для этого словаря. Первый выпуск словаря-справочника был написан с использованием материалов Картотеки ДРС, т.к. составление картотеки СДР к тому времени еще не закончилось. Пожалуй, в этом выпуске приводится наибольшее количество цитат, взятых из Картотеки ДРС. Начиная со второго выпуска Словаря-справочника, к работе над ним привлекаются материалы СДР. Именно благодаря широте и объемности словника ДРС и семантической исчерпанности расписанных памятников СДР, мне удалось найти ряд интересных лексических, семантических и стилистических соответствий к редким словам и выражениям "Слова о полку

Игорева". Однако уже с самого начала работы над Словарем-справочником "Слова" стало ясно, что невозможно ограничиться только материалами данных Картотек: выборочный характер ДРС не гарантировал от пропусков важных семантических звеньев и даже лексем; в СДР были слабо представлены художественно-повествовательные жанры и совсем отсутствовали ранние произведения названных жанров, дошедшие в поздних списках. Поэтому в процессе работы мне пришлось предпринимать сплошную расписку наиболее важных ранних памятников (примерно до 40. Имеется в виду только первая часть словарной статьи Словаря-справочника, где приводятся цитаты из памятников XI-XVI, XVII вв.). Завершение картотеки СДР (в ней были расписаны ранние летописи, Пчела, Хрон.Г.Амарт., сп. XIII-XIV вв. и др.), а также появление новых изданий со словесными указателями (Изб.Св. 1076 г., Усп.сб. XII-XIII вв. и др.) несколько облегчила эту задачу.

3. В связи с этими лексикографическими трудностями в качестве ближайшей перспективы дальнейшего развития наших исторических картотек следовало бы назвать сплошную расписку наиболее важных в лексическом отношении ранних памятников, дошедших до нас в поздних списках XV-XVII вв., оригинальных и переводных (Хрон.Г.Амарт., в сп. XV в., XVI в., Повесть И.Флавий, Хрон.И.Малалы, Александрию, Слово Дан.Заточника, Хож.Даниила игумена, Девг.деяние, Повесть о разор.Рязани, Ж.Алекс.Невского, Слово о гибели и др.). Все перечисленные памятники расписаны в ДРС, но выборочно. А между тем без этих произведений нельзя судить о лексике и семантике старшего периода русского языка. Обычно отказ от этих памятников мотивируется недоверием к поздним спискам. С текстологических позиций поздние списки, конечно, могут сильно отличаться от протографа, но с лексикографической точки зрения лексико-семантический состав в лучших списках сохраняется из эпохи оригинала. Лексические замены обычно происходят в пределах слов, общих для времени оригинала и времени списка. Практически явные анахронизмы, т.е. слова, образованные в позднюю эпо-

ху и не свойственные эпохе протографа, как правило, редки, при изучении могут быть выявлены. Поэтому не стоит из-за них лишать доверия весь остальной лексический состав ранних памятников, сохранившихся в списках XV–XVII вв., особенно XV–XVI вв.

И в заключение следует поставить вопрос о необходимости сплошной расписки Библии (Ветхого и Нового завета) с греческими и латинскими параллелями. Это совершенно необходимо для облегчения историко-лексикографической работы и предохранило бы составителей такого типа словарей от многих лексико-семантических ошибок. Дело в том, что Библия давно перестала быть настольной книгой в нашей стране, и даже мы — специалисты плохо ее знаем. А между тем вся древнерусская литература и письменность буквально наводнена цитатами, интерпретациями и толкованиями Библии. Существуют хорошие переводы ее на современный русский язык и текст на греческом и латинском языках. Однако, чтобы ими воспользоваться, составитель должен знать точные координаты библейской цитаты. Часто при нашем недостаточном уровне знания Ветхого и Нового завета это установить очень трудно. В результате это приводит к произвольному пониманию и толкованию библейских лексем и фразеологизмов и, следовательно, к неверному определению их семантики.

Подписано к печати 19/У1-75 г. А-02106
Объем 5 п.л. Тир. 500 экз. Зак. 261

Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2

